

Молоты Зигмара: Первокованные / Hammers of Sigmar: First Forged (роман)

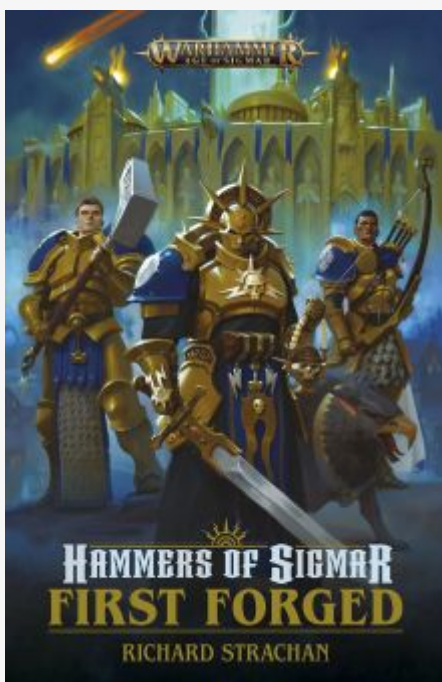
Перевод коллектива "[Warhammer Age of Sigmar — Чертог Просвещения](#)"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "[Warhammer Age of Sigmar — Чертог Просвещения](#)". Их группа VK находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

***Молоты Зигмара: Первокованные /
Hammers of Sigmar: First Forged
(роман)***

Автор	Ричард Страчан / Richard Strachan
Переводчик	Mike, Warhammer Age of Sigmar — Чертог Просвещения
Издательство	Black Library
Год издания	2022
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат

Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Содержание

Пролог

ЧАСТЬ I. ПЕРВЫМИ ВЫКОВАННЫЕ

Глава 1. Остриё Копья

Глава 2. Реликвии

Глава 3. Медные Пряжки

Глава 4. Серный полуостров

Глава 5. Испытательный полигон

Глава 6. Первый удар

Глава 7. Владычество Небесного Чертога

Глава 8. Пропавшие души

Глава 9. Деловые связи

Пролог

Жрец знал, что есть культуры – таинственные и богохульные, далёкие от света Зигмара, – которые верят в существование подземной обители; места, где душам выносят приговор и где уличённые в прижизненных преступлениях сгорают в пламени вечных мучений. В жгучей агонии их грешки возвращаются к ним в десятикратном размере. Столь безжалостна эта кара, что они и помыслить не могут о сладкой смерти, которая избавила бы их от огненных языков. Нет, когда пламя испепеляет их, они возрождаются вновь, чтобы и дальше мучиться в пожарище своих грехов – этим днём и в дни грядущие, пока сами боги не покинут Владения Смертных и не удалятся в чертоги внешней тьмы.

Совершая обход, Лорстен раздумывал о том, что в пользу существования такой веры говорило очень многое. Он поправил свои одеяния и теперь осторожно пробирался между натянутыми палаточными верёвками, телегами, вьючными пони и грудями упакованных вещей. Он чувствовал резкие запахи еды, варящейся в котелках, и свежезаваренного цветочного чая из Хиша, табака и кислого пива. Отовсюду доносились тихие разговоры паломников, песни – весёлые и поминальные, и молитвы, обращённые к Зигмару и его золотому царству. В сумерках, высоко над лагерем дрожал и грохотал парящий металит похода.

«Да, – думал он, – люди жестоки и несовершенны. Так вспыльчивы, так прямолинейны. И так легко отворачиваются от красоты и истины. Зигмар направляет нас, но даже самая достойная душа может оступиться и пасть на своём жизненном пути. Карательное пламя могло бы стать полезной остроткой для мужчин и женщин, ступающих по дороге праведности».

Были и те, кто утверждал, что все верования рано или поздно обретают своё воплощение в подземных мирах Шаиша. Это он тоже знал. Быть может, где-то в этом призрачном владении, глубоко под серыми могильными песками таилась пещера проклятых, где все эти заблудшие души были давно осуждены. Где они горят, где дым клубами поднимается в воздух, а крики мучений уносятся на крыльях пустынного

ветра...

Лорстен покачал головой, присел и приложил ладонь к земле, погрузив пальцы в красную грязь. Он чувствовал, как земля пульсирует вокруг них, ощущал тепло, поднимающееся из самых недр. Небеса трескались и сворачивались над ним по мере того, как день угасал. Облака выглядели так, словно чернила пролили в прозрачную воду.

«Нет, – промелькнула мысль в его голове. Он удовлетворённо встал и вытер руку о мантию. – Зачем нужны огни проклятых, если пламя Акши очищает нас...»

Равнины, посреди которых они разбили свой лагерь, были окутаны паром. На севере простёрлись суровые ущелья и пропасти, по которым текли кипящие реки расплавленного камня. На западе тянулась прерывистая полоса грозных кратеров и вулканических пиков, плюющих огнём и исторгающих крошечные чёрные снежинки сажи. Впереди, на юге, витала лишь мрачная пелена тумана и дыма. Земли эти были пустым местом на пергаментной карте, которую Лорстен оставил у себя в палатке. На юг они и держали свой путь, и при мысли об этом лицо Лорстена озарила улыбка. Он стиснул зубы, вспомнив о поджидающих опасностях. Да направит их Зигмар, подумал он, да укрепит он их сердца и клинки, и горе тому, кто встанет у них на пути.

Вот уже несколько недель рассветоносный поход прокладывал себе дорогу сквозь охристые степи, миля за милей отдаляясь от Плоскогорья Пламенного Шрама. С тех пор, как Хаммерхол остался позади, они шли вдоль бесплодных пустошей и унылых равнин. Следуя за жаровнями, разожжёнными священным пламенем в сердце Великого собора Зигмара, десятки тысяч людей отправились в долгий путь. Их знамёна трепетали на знойном ветру, и на каждом полотне красовались имена тех, кто посвятил себя проповедованию священного слова Зигмара в диких землях. Под трубный глас и звонкое пение, с радостью в сердце, рассветоносцы вышли из громадных бронзовых врат города. На стены по обе стороны от них высыпали толпы людей, которые провожали их и ликовали до хрипоты.

Сотни рассветоносцев пали на всём их пути, тысячи продолжали идти вперёд. Болезни и недомогания взяли своё. Изнеможение одолело тех, кому не хватило сил следовать за остальными. В сердца некоторых закралось отчаяние, и словно побитые псы они поплелись обратно в Хаммерхол. Но пламень чистоты и цели всё ещё полыхал в сердцах большинства. Поход продолжался, и оглядывая сейчас толпы людей, вставших лагерем на отдых, Лорстен приходил в восторг от такой преданности и стойкости. Одни разбили палатки, другие устроились в своих телегах. Все готовились к ночи и все они будут спать сном праведников, а Зигмар ниспошлёт им сны из Вышнего Азира, чтобы порадовать их души.

Минуя ряды палаток и повозок, жрец повторял молитвы и благословения, призывая своих товарищей возноситься к высокому и гордиться тем, чего они достигли.

– Мы несём свет во тьму! – кричал он. – Отдыхайте, братья и сёстры, и готовьтесь к завтрашней борьбе! Ибо день без испытаний есть день, проведённый впустую, а Зигмар более всех остальных жалуется тех, кто трудности встречает улыбкой.

– Благодарим тебя, лектор! – восклицали некоторые, поднимая взгляды от костров или поношенных одежд, которые штопали в это самое время. – Да хранит тебя Зигмар!

– И вас, друзья мои, – отвечал он, рисуя знамение кометы у себя на груди.

Сопровождали поход подразделения вольной гильдии Хельденхейн, по всей границе лагеря стояли их заставы. С наступлением ночи солдаты закутались в пепельно-серые накидки, и их сумрачные мундиры

теперь выглядели мазками теней во мраке. Лишь струи пламени, взметающиеся над вулканическими пустошами, порождали мерцающий свет, который окутывал их мистической кровавой пеленой. Облака пара кружились и клубились над равнинами впереди, такие же густые, как морская мгла, растекающаяся по побережью Анвилгарда.

На небольшом возвышении маячили силуэты трёх солдат, поглядывающих в сторону тех равнин. Они расхаживали взад и вперёд в своих чёрных металлических нагрудниках, с копьями на плечах и высоко поднятыми щитами. Ещё двое сидели у дымящегося костра, где кипятили воду для чая, а их сержант водил точильным камнем по лезвию своего меча. Приблизившись к ним, Лорстен поднял руку в благословении.

- Как ваши дела? - спросил он. - Я дарю вам свою благодарность за храбрость. И за безопасность, которую вы нам обеспечите этой ночью и ночами грядущими.

Сержант - строгий парень с тонкими чертами лица и подстриженными усами - поднялся с места и исполнил знамение кометы. У солдат Хельденхейна были благочестивые души, и лучше во время похода их могли защитить разве что Грозорождённые.

- Ночь сегодня тихая, лектор, - сказал сержант. - Хотя, признаться, есть у меня сомнения по поводу этого тумана. - Он оглянул пустошь, убирая клинок в ножны. - Немало врагов я повидал на своём веку, для которых он стал бы отличным прикрытием.

- Зигмар защитит нас, - ответил Лорстен, - как и ваши мечи. Страх не тревожит меня.

- Так и будет. Даю тебе слово.

Солдаты встали на колени перед жрецом, склонив головы. Тот поднял свои руки. Слова священного писания готовы были слететь с его губ, как вдруг он услышал звук. Глухой лязг и шелест одежд из-за клубящегося пара.

- Слышали это? - Жрец уставился в темноту. Он напряг слух, но теперь слышал лишь гул голосов из лагеря - паломники устраивались на ночлег.

Сержант настороженно поднялся и обнажил свой меч.

- Просто показалось, - тихо сказал он. - Или...

Со скоростью стрелы из тумана вылетело копьё. Лезвие просвистело прямо под челюстью сержанта, фут колючего железа вспорол ему горло. Его руки свело судорогой, и меч рухнул на землю. Кровь хлынула следом. Лорстен отшатнулся, наступил на подол собственной мантии и свалился с ног. Совершенно внезапно всё вокруг него потонуло в безумии и ужасе.

Над лагерем разнеслись вопли. Загремели выхватываемые из ножен клинки. Послышались влажные звуки раздираемой плоти. Лорстен увидел тёмные силуэты, мелькающие в тумане. А через мгновение они были уже повсюду, пробираясь сквозь стройные ряды телег и палаток. Хруст ног по сухой земле, лязг стали. Безумный смех пронзительным визгом разнёсся по воздуху, подвываяющим вихрем прокатился через весь лагерь. Мужчины и женщины рванули наружу из своих укрытий, вооружённые лишь ножами, котелками да сковородками, и мигом расстались со своими жизнями. Лорстен бросился бежать на четвереньках в сторону от солдатской заставы, все его одежды были залиты кровью сержанта. Мечи и топоры, копыя и цепы - он мельком увидел изуродованное лицо и чёрный язык, слизывающий кровь с клинка. Он подавил крик внутри себя и побежал.

- Зигмар, защити меня! - простонал он, сжав талисман в виде молота у себя на груди и то ли вбежав, то ли рухнув в тень повозки. - О, молот и трон, пощадите своего покорного слугу!

Лагерь рассветоносцев был так же велик и люден, как трупобные районы вокруг стен Хаммерхола. Сотня жрецов отправилась с верующими в этот поход, но Лорстен считал, что это была именно его паства - что все, кто жил, молился и умирал на марше, были под его ответственностью. Он был хранителем их душ, но сейчас, укрывшись в тени под повозкой, он знал, что променял бы каждую из них на шанс выжить в этой резне.

Гортанные боевые кличи. Влажный хруст ломающихся костей.

Земля содрогнулась, и ночь разорвало на части. Тела усеяли лагерь. Кровь пролилась. Мужчины и женщины молили о спасении, но на жалкие крики о помощи ответом была лишь холодная сталь. Дрожащей рукой Лорстен сжал свой кулон, с такой силой, что кожа на ладони лопнула.

- Пощади меня, владыка! - стонал он. - Укрой меня дланью своею!

И тогда впервые раздался этот голос, и тень упала на его просящее лицо.

- Молись своему богу, человечиска, - прошипел голос, - но ответа не жди.

На мгновение Лорстену подумалось, что он уже мёртв. Быть может, правы были те, кто твердил, что существует подземный мир пылающей кары - и сейчас он находится именно там, окутанный языками пламени и терзаемый этим созданием. Существом, которое показалось из тумана и было столь же прекрасным, как огонь, расцветающий во тьме. Разве может человек обладать такой холодной ухмылкой и такими чёрными, такими мёртвыми глазами? Разве может человек так упиваться его страхом?

Лорстен зажмурил глаза и зарыдал. Он почувствовал руку у себя на плече, ощутил дыхание на щеке, словно дуновение горячего пустынного ветра.

- Расскажешь ли ты Зигмару о том, что видел здесь? - прошептала она. - Взмолишься ли о его прощении? Не бойся, маленький жрец. Скоро ты встретишься с ним... Смотри.

Он почувствовал, как рука схватила его за подбородок, как пальцы, словно железные, приподняли его голову. Дрожа от ужаса, он открыл глаза. На мгновение ему показалось, что чёрные небеса дрожат и сжимаются, что облака расходятся в стороны, словно дымчатая паутина. В вышине он увидел огненный шар, будто второе солнце, бледнеющее в вечернем свете. Прямо у него на глазах пламя становилось глубже, сильнее и яростнее.

- Видишь это? - спросила женщина, её иступлённый голос влился в его ухо. Она прижалась к нему, её тело дрожало от восторга. - Скоро весь Хаммерхол это увидит, обещаю тебе. Всё Великое Пекло, весь Акши. Да, - прошипела она, - скоро сам Зигмар увидит. И тогда все узнают, что он наконец вернулся.

ЧАСТЬ I. ПЕРВЫМИ ВЫКОВАННЫЕ

«Их цитадель известна как Перспикарий, могучая крепость в самом сердце Хаммерхола. Многие битвы прошли они во имя Зигмара, и бдительность их была неусыпной. Но увы, в такие времена враг тоже никогда не дремлет. Поговаривают, что на каждого убитого противника приходилась дюжина новых, и пускай свет Зигмара давно пролился на земли Великого Пекла, куда большее их число оставалось в тени. Владения Зигмара берегли не только щиты его воинов, но ещё и соперничество и смятение, царившие в стане его врагов. Когда же из пустоши приходили тёмные слухи о пактах и

союзах меж ними, честные люди сжимались от страха во дворцах и лачугах Хаммерхола-Акша. Как может кто-то – пускай даже Грозорождённые – хотя бы надеяться выстоять против таких орд, стенили они, выстоять против такой ненависти?»

«Хроники Великого Пекла и деяний, на земле его свершённых», за авторством Гильоме Анвилгардского

Глава 1. Остриё Копья

Тьма. Холодная и безмолвная.

Он был один.

Его не покидало ощущение просторного, заполненного воздухом пространства – чертога из камня и мрамора, но он не видел даже руку перед собственным лицом. Он чувствовал холодные, сухие камни под ногами, слабую пульсацию воздуха – кожей. Он сделал глубокий вдох, потом выдохнул и услышал тихое эхо вдалеке. Потом снова поймал воздушный поток и осторожно двинулся вдоль него, вытянув руки перед собой.

Тьма, холодная и безмолвная.

«Но ведь я – Ферант Рассекающий Волны, – подумал он. – Мне не страшно. Я в одиночку бился с орруками-налётчиками на Пузырящемся берегу. Их серые корабли затмили весь горизонт, от края до края, мрачные, словно зимний шторм. Но море было красным от крови, когда я пал. Я защищал свою деревню. А затем моя душа обернулась слитком золота на Наковальне, а сердце моё – нутром бури. Я – Грозорождённый Вечный, принесённый молниями. Я принадлежу Молотам Зигмара. Первыми выкованные...

И я один».

На нём была лишь неплотно прилегающая набедренная повязка. Ни доспехов, ни оружия, ни щита. Тренировки в Гладитории остались позади, долгие месяцы и годы подготовки, бок о бок со своими товарищами: фальшивые смерти и бесконечные боевые упражнения, повторяющиеся снова и снова, пока не будут отточены до совершенства. Пока война не станет главным образом в его снах. Но ничто из этого не помогло бы ему сейчас. Всё оно в прошлом. Впереди была только тьма. И там, за гранью, если сердце пройдёт испытание чистоты, будет ждать свет.

Ферант шагнул вперёд, вновь почувствовав камни под ногами. Левой рукой он пытался нашарить препятствие, правую сжал в кулаке рядом с головой. Тьма клубилась вокруг, ледяная, словно вода в пучине морской. Он неосознанно встал в боевую стойку освободителей в первом ряду, готовых принять на себя сокрушительный удар: щит поднят, молот на плече, правая нога стоит чуть позади. Он почти ощущал тяжесть зигмаритового навершия, крепко сжав рукоять тяжёлого боевого молота.

– Я – Ферант Рассекающий Волны, – прошептал он. – Я – Грозорождённый Вечный. Я принадлежу Молотам Зигмара. Будучи смертным мужем, я бился с орруками-налётчиками на Пузырящемся берегу.

По правде говоря, он едва ли мог вспомнить свой последний бой в теле смертного. Его убили? Или в милости своей Зигмар унёс его за мгновение до смерти? Эта картинка застряла в его голове, словно сон или сказка, однажды ему рассказанная – такая яркая, что формировала образ за образом в его сознании, реальные, как настоящие воспоминания. Вес копья в его руке; море, ледяными кольцами сжимающее

его бёдра; волны, вдоль которых тянутся пенные шлейфы. Корабли, ревущие на воде; грубое рычание оружков на палубах; изорванные черные паруса, хлопающие на ветру. Он помнил, как их вёсла бились о волны, когда корабли подходили к берегу, как сверкали обнажённые клинки. Уже тогда он прекрасно понимал, что пощады не будет. Неизвестное доселе спокойствие снизошло на него, когда он встретил свою смерть, с копьём наперевес, пока враги захлёбывались кровью у самых его ног. Он продержался достаточно долго, чтобы жители деревни успели сбежать. Более он ничего не мог им предложить. А потом его окутал свет, неисчерпаемый свет Зигмара, зовущий его домой...

Ферант почувствовал, как по лбу поползла капелька пота. Он смахнул её тыльной стороной запястья и снова потянулся к узкому воздушному потоку, словно кровавая гончая, взявшая след. Тёмный, безмолвный зал, протёршийся вокруг, эхом раздавался в такт его шагам и бьющемуся сердцу.

Его пальцы коснулись камня. Теперь воздух мягко струился справа от него. Ферант двинулся вдоль стены и шёл до тех пор, пока не наткнулся на узкий лестничный пролёт. Он вновь подумал о море, о том месте, где вырос. О широком виде, открывающемся на синевато-серую воду, о морщинистых волнах и об облаках, громоздящихся на самом краю небосвода. Он помнил дождевые тучи, подступающие к берегу, словно марширующая армия, но то была скорее пелена, опустившаяся меж тем моментом и нынешним. Всё это осталось в прошлом. Он больше не был человеком, а Молоты Зигмара назад не оглядывались.

Он водрузил ногу на первую каменную ступеньку, нащупал узкую раму отворённой двери и сделал несколько шагов. Ширина лестницы едва ли превышала расстояние от одного его плеча до другого.

В доспехах сюда не войти, понял он, лишь без одежды, таким же уязвимым, как в день своего рождения.

Ступени уходили вниз, пролёт за пролетом, спиралью опускаясь в самые недра земли. Одолев две сотни, он перестал считать. Он знал, что чем глубже, тем теплее должно быть вокруг, но воздух только холодел, по мере того как он спускался. Влага тоненькими струйками скользила по каменным стенам, и он воображал, как выдыхает облачка пара – ах, если бы он только мог видеть в этой темноте.

Там, в глубине, царила полная тишина, но напрягши все свои чувства Ферант ощутил нечто во мраке. Присутствие, напомнившее ему резкий, непокорный воздух перед самой грозой. Волоски на его предплечьях поднялись, холодок пробежал по затылку. Он был не один.

Он замер на месте, вскинув сжатые кулаки. Он стал быстрее дышать, но эхо молчало. Внезапно он почувствовал себя зажатым, заключённым. Он потянулся вверх и нащупал углубление в каменном потолке, гладкое от влаги. Впереди зал, решил он, узкое пространство, заполненное какой-то электрической энергией. Он ощутил едва заметное потрескивание молний. Сотни застывших духов ждали, что же он будет делать дальше.

– Ферант, – позвал голос из темноты, показавшийся ему сухим и скорбным. Но одновременно с этим твёрдым и холодным, как могильная плита. – Ферант, – повторил он, – по прозвищу Рассекающий Волны. Ты явился сюда во всеоружии и доспехах?

Ферант опустил руки, выпрямился и немного выпятил челюсть. Чернота сгущалась вокруг него, словно живое существо.

– Нет, – ответил он.

– Ищешь ли ты место среди нас, дабы стать такими же, как мы?

– Ищу.

- С этого дня готов ли ты посвятить себя делу Зигмара, без устали служить ему, пока не иссякнут последние силы, а смерть принять лишь как ещё одну возможность исполнить свой долг?

- Я готов, - сказал Ферант, и голос его прозвенел в воздухе.

- Знай же, что с этого самого дня ты будешь жить, не имея собственности, не зная семьи, лишённый радостей и невзгод простого смертного. Знай, что добьёшься невозможного, что сражаться будешь на пределе своих сил и сухожилий собственной души. Знай, что, если в одиночку выступишь против орды врага, то всё равно примешь бой и победишь. Знай, что делаешь это не ради трофеев и славы, но лишь потому, что от тебя этого ждут.

- Мне это ведомо.

Искра сверкнула в тени, и на другом конце зала засиял слабый свет. Перед взором его мелькнула белая кость. Мягко блеснуло золото. Огонёк замер у дальней стены, его свет был так слаб, а тени вокруг - так густы, что Ферант не мог определить, как далеко источник. Он мог быть как в дюжине футов, так и в сотне миль от него.

- Тогда ты должен стать Остриём Копья, Ферант Рассекающий Волны, - вымолвил голос. - Здесь, в этой палате, глубоко под Перспикарием, ты должен избрать своей целью свет, открывшийся тебе, и разить без сомнения, что бы ни встало на пути.

Огонёк мигнул. Когда глаза немного привыкли, Ферант разглядел алтарь вдалеке, от которого сочился свет. А затем он увидел и всё остальное.

На пути к алтарю выстроились десятки Грозорождённых Вечных в полном боевом облачении - Молоты Зигмара в своих золотых доспехах, по тридцать с каждой стороны. Меж ними оставался узкий проход. Все головы были обращены к нему, каждая невыразительная маска каждого золотого шлема. Ферант встретил их взгляды.

Он не боялся. Он был Остриём Копья.

Первый удар пришёлся ему в висок. Он завалился в сторону, почувствовав, как колено резко упёрлось ему в живот. Из тени выплыл чей-то кулак и треснул его прямо в челюсть, повалив на землю. Ферант поднялся на колени, неосознанно вскинув руку, чтобы заблокировать следующий выпад. Он ударил локтем по твёрдой зигмаритовой пластине, отбросил руку, пытавшуюся обхватить его горло. Он сплюнул кровь и бросился вперёд, снова споткнулся, принял жёсткий удар по рёбрам, увернулся от очередного кулака, целившего ему в лицо. А крошечный уголёк всё также искрился и сиял перед ним - хрупкое пятнышко света посреди неумолимой темноты.

Его ноги дрожали, то и дело сталкиваясь с бронированными наголенниками, но он заставлял себя идти, сжав руки вокруг головы. Он вертелся, уклонялся и продолжал напирать, прокладывая себе путь через жестокую схватку. Кровь стекала у него по лицу, но он не останавливался. Он будет бороться, он добьётся невозможного, пускай даже все обстоятельства будут против него.

- Первыми выкованные... - пробормотал он сквозь потрескавшиеся губы.

Меньше ударов не стало. Его голова гудела от них. Дыхание сбилось, как после надломленных воплей. Он не мог даже представить, как далеко ему удалось забежать. Казалось, свет не приблизился ни на шаг. Он вытянул свою руку, но с таким же успехом он мог попытаться дотянуться до солнца.

- Так вот кого ты привёл к нам, лорд-реликтор? - воскликнул голос. - С моих дней запросы явно поуменьшили.

- Да, - вторил ему другой с издевательским смехом. - Этот нашей палаты недостоин. Молот и трон, он едва ли достоин стать Грозорождённым.

- Отправь-ка его обратно, лорд-реликтор! Ещё несколько схваток в Гладитории и тогда, быть может, поглядим.

Ферант стиснул зубы. Склонив голову, он двинулся вперёд, не обращая внимания на боль. Его кровоточащие ноги скользили по камням. Он проталкивал себя, прорывался через толпу, отбивая удары, которые мог, и принимая те, которые не успевал. Во тьме, освещённой лишь слабым огоньком на дальнем алтаре, золотые доспехи, окружившие его со всех сторон, казались тусклыми, словно медь. Он бил руками и ногами, кровь и пот стали маской на его лице. Он рвался из цепких рук в латных рукавицах, отдирав пальцы от собственного горла, отбивался от ног, которые пытались захватить его. Он принимал каждый удар, каждый толчок, и когда появлялась возможность тряс головой, чтобы прийти в себя. Они не могли остановить его.

«Ты должен устремиться ко свету перед собой. Ты должен разить, не зная сомнений, что бы ни встало у тебя на пути...»

Она возникла прямо перед ним. Бледная, как зимний цветок, искра света, свернувшаяся вокруг фитиля и дрожащая на кончике свечи. Все, что ему нужно было сделать - это дотянуться до нее. Коснуться её.

Рука обвилась вокруг его шеи, крутанув назад.

- Ты сможешь, друг мой, - прошептал голос ему на ухо. - Я верю в тебя.

Ферант ударил локтем назад, разорвав захват. Он извивался, как рыба на леске, вертелся и бился, пока не освободился окончательно. Свет был там, прямо перед ним...

С рёвом он бросился вперёд. Он вытянул свои руки, и пальцы охватили дрожащее пламя.

Он отдал достаточно. Он спас свою деревню. Остался лишь свет - вечный свет Зигмара, зовущий его домой.

Он почувствовал, как огонь обжигает его пальцы. Ферант сомкнул кулак, и палата погрузилась во тьму.

Факелы вспыхнули на стенах, и зал окатило светом. Он почувствовал, как сильные руки помогают ему подняться на ноги. Раздался смех. Оглушительный грохот аплодисментов и радостные возгласы вторили ему. Шлемы, все до единого, были сняты, и ему открылись гордые, улыбающиеся лица. Один большой паладин с лицом, покрытым шрамами, но сияющим от смеха, отложил шлем в сторону, приблизился к нему и, сжав в объятиях, поцеловал в макушку.

- Ферант! - кричали некоторые. - Ферант Рассекающий Волны, Остриё Копья!

Он облокотился на алтарь, голова кружилась. Кто-то протянул ему тряпку, чтобы он мог вытереть кровь с лица, кто-то - кубок вина, и он с жадностью осушил его. Одним своим взглядом он не мог охватить всё

то море лиц, собравшихся перед ним, но каждое из них радовалось его достижению.

Он сделал это. Он почувствовал, как боль понемногу оставляет ладонь, которой он сжал свечу. Он прошёл ритуал. И теперь он был Молотом Зигмара. Он принадлежал к самим Молоторукиим.

«Владыка Зигмар, - взмолился он, - ты одарил меня этой честью. И я буду верен тебе всегда. Клянусь».

Перед ним предстал Грозорождённый. Шлем, украшенный плюмажем, был зажат у него под мышкой. Его тёмные волосы были коротко подстрижены и зачёсаны вперёд, а лицо казалось высеченным из камня. Его зелёные глаза были слегка запавшими, словно заботы о долге не давали ему спать по ночам. Грозорождённый был облачён в простой пластинчатый доспех конклава искупителей, левый наплечник украшало изображение льва.

- Первый освободитель, - заикнулся Ферант. Его челюсть всё ещё болела от того удара, а когда он заговорил, порез вновь раскрылся на губе. Он втянул проступившую кровь и попытался выпрямиться. Потом заметил протянутую руку в латной рукавице. Ферант схватил её, запястье к запястью, как принято среди воинов.

- Молодец, - сказал первый освободитель. - Я - Барро Каллиник, и для меня будет честью принять тебя в свою свиту.

- Это честь и для меня, первый освободитель, - сказал Ферант. Он отпрянул от алтаря, и, хотя и попытался скрыть это, боль всё равно исказила его лицо.

- Однажды все мы были на твоём месте, - усмехнулся Барро. - От самого первого из нас до простого освободителя, все мы были Остриём Копья, прежде чем вступить в ряды палаты. - Он потёр подбородок, словно вспоминая давнюю боль, и улыбнулся. - Поверь мне, друг мой. Ритуал - это то, кто мы есть, то, кем мы стали. Каждая армия, каждое буревоинство, которое только есть в распоряжении Зигмара - мы должны быть несокрушимой опорой для всего и вся.

Один за другим воины подходили, чтобы пожать ему руку или похлопать по спине. Вокруг алтаря столпились освободители, паладины, даже Грозорождённые в громобойных доспехах. В его руке оказался ещё один кубок вина.

- Ты никогда не узнаешь, как же тебе повезло, - сказал один из воинов, освободитель, достаточно крупный, чтобы принадлежать к конклаву паладинов. Он обхватил Феранта за плечи и ткнул пальцем ему в грудь. - Молоторукие - элита, никогда не забывай об этом. Первые из первых, лучшие из лучших. Каждый день благодари Зигмара, что не оказался среди Златогризов, - на этих словах он карикатурно вздрогнул и покачал головой, - или в рядах Громовых Стрел, о, Владыка...

- Поумерь свой пыл, Каст, - сказал Барро, уводя Феранта в сторону. - Не надо пугать парня.

- Эти трусы уж точно не заслуживают такого чистого сердца, как у нашего Феранта! - крикнул Каст, хлопнув Феранта по руке.

- Кем ты назвался? - спросила его воительница, стоявшая поблизости. Она была высокой, её кожа в свете факелов казалась бронзовой, голова была обрита налысо. Она тоже принадлежала к конклаву искупителей: на синей пластине её наплечника красовалась белая молния. - «Рассекающий Волны», так сказал лорд-реликтор?

- Насколько мне известно, враги дали мне это имя, - сказал Ферант. - Я выступил против целой волны,

пока она не захлестнула меня целиком.

- Значит имя заслуженное, - сказала освободитель. - Я - Дейтерия, прозванная Светом Зари. И мы будем сражаться бок о бок, в свите Барро.

Она сжала его руку и пристально посмотрела в глаза. На миг Феранту показалось, что она хотела рассказать о себе, о том, что привело её к апофеозу и становлению Грозорождённой. Но в конце концов она лишь отвернулась. Быть может, это было слишком личным для неё, подумалось ему. Или слишком далёким - воспоминанием, которое больно рисовать в памяти. Каждый воспринимал его по-разному. Некоторые хвастались им, словно почётной регалией, когда Ферант тренировался в Гладитории. Другие держали в таких закромах, словно это было тайное пятно позора, и не говорили о нём несмотря ни на что.

Вскоре голоса, разносившиеся в этой тесной и узкой зале, утихли. Ферант заметил, что окружившая его толпа стала расступаться, их золотые доспехи сверкали в свете факелов, пока они благоговейно пятились назад. Он увидел лорда-реликтора, который уже говорил с ним до этого. Он медленно шёл к нему, бледный шлем с маской-черепом покрывал его голову, а за спиной, словно могильный саван, шелестела мантия из напоминающих раскрученные свитки лент. Ферант стоял, высоко подняв голову. Он был почти без одежды, избитый и окровавленный, но не сломленный.

- Добро пожаловать, Ферант Рассекающий Волны, - сказал лорд-реликтор, встав перед ним. - Ты прошёл Остриё Копья и был посвящён в Молоторукие, в воинскую палату Молотов Зигмара. Ты стал клинком, который Зигмар вонзит в сердце своего недруга. И хоть перед тобой предстанут легионы врагов, ты не дрогнешь. Ты присоединишься к свите первого освободителя Каллиника, и в каждом из нас нет и доли сомнения, что ты будешь служить с честью и рвением, как и подобает Грозорождённому Вечному.

- Благодарю вас, милорд, - сказал Ферант. Краем глаза он заметил, что Барро кивнул в знак согласия.

- Осталось кое-что ещё, - сказал лорд-реликтор своим хрипловатым голосом. Он взглянул на Барро и Каста. - Держите его.

Два воина взяли Феранта под руки, мягко, но крепко. Он не сопротивлялся. Вниз по коридору спустился обвинитель, неся горящее клеймо, кончик которого пылал белым пламенем.

- Пускай шрам от него со временем потускнеет, - сказал лорд-реликтор, приняв клеймо от обвинителя, - след от него останется навсегда.

Он вдавил клеймо в плоть над самым сердцем Феранта. Послышался треск горячей кожи, по залу разнёсся запах хрустящего, палёного мяса. Ферант скривился, но не закричал.

- Ныне на тебе стоит метка Молотов Зигмара. Пускай это клеймо навечно останется памятью о том, кто ты есть. Первыми выкованные...

Ферант взглянул на череп. Он чувствовал, как стучит сердце у него в груди, как кровь, словно молния, бьётся в его жилах. Он сглотнул.

- Да не узнаем поражения, - закончил он.

Когда лорд-реликтор отвёл клеймо в сторону, Ферант опустил глаза. На его груди, размером больше монеты, красовалась метка кометы - символ надежды, справедливости и святой мести в каждом Владении Смертных.

Символ самого Зигмара.

Когда ритуал подошел к концу, он облачился в доспехи, морщась от синяков. Они уже начали понемногу исчезать, и к утру он полностью восстановит свои силы. Впереди его ждал приветственный пир, затем дни тренировок с новыми товарищами и, наконец, битва. Эту мысль встретил холодный трепет у него в животе. Он отправится в поход бок о бок с Молоторукими, чтобы принести смерть врагам Зигмара. Он займёт своё место в строю и будет убивать вестников погибели и разрушения для народов Зигмара. Он действительно станет остриём копья.

За алтарём была дверь, достаточно широкая, чтобы воины могли выйти, не снимая доспехов. Ферант оглянулся на узкий дверной проём в другом конце зала, через который он впервые попал сюда, запутавшийся во тьме, холодный и одинокий. Его выковали на Наковальне, обучили в Гладитории, вооружили чистейшим зигмаритом, но до тех самых пор, пока он не рухнул на голый пол глубоко под Перспикарием, он знал, что не был настоящим Грозорождённым. Пока он не прошёл сквозь толпу и не сжал пламя своим кулаком.

- Как странно, - сказал он, уходя.

- Почему бы это? - спросил его Барро.

Ферант оглянул пустую залу. Низкий потолок, грубый плитчатый пол, факелы, всё ещё горящие в настенных креплениях.

- Лорд Ванд, - сказал он. - Я думал... я думал, что встречу его здесь. Что он посвятит меня в Молоторукие.

В глазах Барро промелькнула печаль. Он обхватил Феранта за плечо и повёл его к двери.

- Однажды, друг мой, - сказал Барро, - уверен, однажды ты его увидишь.

Глава 2. Реликвии

В дни, давно минувшие, это был двуручный клинок, но теперь от него осталась одна лишь рукоять с зубчатым навершием: когда-то на ней красовался драгоценный камень, но и он был утерян много веков назад. Крестовина была выгнута под прямым углом. Кожа на рукояти была сухой как пергамент. Для любого другого этот клинок был бы ещё одним разбитым пережитком прошлого, возложенным на постаменте в Чертоге Реликвий, но для Актина он был также священен, как и всё, что он только мог лицезреть в Азирхейме - городе Зигмара в Царстве Небесном.

Будучи рыцарем-реликтором, он различал слабые следы, оставшиеся от души того воина, который владел клинком триста лет тому назад. Позолоченными буквами на постаменте было вырезано его имя: Отин Звёздный Щит. Первый освободитель Львиных Сердец, впервые поверженный при взятии Польшающей дельты. Десятилетие спустя он был сражён во время осады Корталона. Он находил свою смерть при переходе через Кристалхендж и в битве за Трижды-Проклятое Сердце. Его перековывали снова и снова, и с каждым разом он терял частичку себя, пока, наконец, не осталось ничего, кроме этого сломанного меча в Перспикарии, последнего неясного следа от воина, пожертвовавшего всем во имя

дела Зигмара. Отголоски той души всё ещё проглядывали на рукояти. Актин мог читать их, словно разные цвета на странице, словно запах на ветру. Красная злоба, острая ярость, сладость капитуляции перед смертью.

«Где же он сейчас? – подумал Актин. – Что стало с душой, которая снова и снова возвращалась к своей цели, пока не развеялась окончательно? Где же ты, Отин Звёздный Щит?»

Он отвернулся. Впереди и вокруг тянулись ряды шкафов и подиумов, постаментов, витрин и пьедесталов, где красовались зазубренные клинки, сломанные латные перчатки, изорванные знамёна и плащи, превратившиеся в лохмотья. Оружие и доспехи состояли из одного и того же металла, небесного зигмарита, выкованные в глубинах Зигмарабулума. С гибелью Грозорождённого они отправлялись обратно в Азир на той же самой молнии, что переносила душу воина. И иногда что-то из вооружения оставалось позади. Актин не видел в этом ни закономерности, ни причины. Эти потерянные фрагменты служили одиноким напоминанием о тех душах, которым некогда принадлежали. Быть может, сам Зигмар велел не уносить их, чтобы вдохновить воинов, оставшихся сражаться? Осязаемые вещи были символом принесённой жертвы, а с ними цель казалась более реальной.

И речь шла не только о клинках и доспехах. Тут и там были выставлены всевозможные безделушки: амулеты и крошечные тотемы, которые воины носили на удачу или отличия от товарищей ради. Друзья павших забирали их с полей сражений и преподносили Перспикарию в надежде, что однажды все они будут возвращены своим хозяевам. Актин приостановился рядом с птичьими черепками и подвесками, плетёными кожаными браслетами и кольцами. Молоты Зигмара были не особо сентиментальны, в отличие от знакомых ему буревоинств, которые подобно Наковальням Молотодержца или Астральным Храмовникам хранили и оберегали своё культурное наследие. Боевая раскраска и звериные шкуры были не для них, впрочем, как и тайные культы с божествами-покровителями, чьи имена произносились полущёпотом. Молоты были чисты и бесхитростны. Самопознание и стремление понять, какое место они занимают в этом мире – вот чего было у них не отнять. «А ещё спрятанного в глубине самоанализа», – подумал Актин. Это был постоянный цикл оценок и внутренних допросов, рассмотрения деталей каждого свершённого действия и попыток определить, верным ли оно было.

Рыцарь-реликтор с благоговением протянул руку к простому деревянному кулону, помеченному руной, которая была ему незнакома. Он часто задумывался о том, что, быть может, им следует сделать эти реликвии неотъемлемой частью буревоинства. Чтобы они служили какой-то более высокой цели. Строгость и формальность образа Молотов Зигмара пропадёт, но что, если это приблизит их к остальным? Сделает более... человечными?

В конце концов, когда все войны будут выиграны, что ждет Грозорождённых Вечных? Они станут реликвиями. Музейными экспонатами или историями о тёмных временах, когда владения были охвачены вечным раздором. Но не больше. Артефакт павшего Грозорождённого – вещь крайне редкая, однако вся эта огромная зала, размерами превосходящая Великий собор Зигмара, была загромождена ими. Сколько же их погибло и переродилось вновь за минувшие века? Сколько никогда не вернётся или будет навечно потеряно в вихре проклятых небес? И как долго всё это может продолжаться?

Актин сдвинулся с места, коря себя за эти размышления. Самоанализ был роскошью, пороком. Его шаги эхом разносились над мраморным полом. Величественный нервюрный свод терялся где-то в тенях, в трёхстах футах над его головой, и всё же он поднял глаза и увидел его, словно вдалеке расцвёл лик самого Зигмара.

– Как долго, о повелитель? – прошептал он. – Как долго?

Виной всему было горе, думал он. Ничто иное. Он должен был давно уже свыкнуться с потерей. Лорд-покровитель Таранис и две трети всей его палаты Таранитов пали в Эксельсисе, когда мертвецы поднялись из земли. Он видел, как Таранис, словно скала среди бушующих волн, резал и рубил врагов у врат во внутреннюю цитадель. И так, пока душа его на крыльях бури не унеслась обратно в Азир. Под стать настоящей молнии ему удалось пронзить проклятые небеса, но он всё ещё не вернулся. Его великая душа терпеливо ждала своего часа в кузнях. Однажды он был их лордом-целестантом, и в знак уважения палата всё ещё носила его имя. Но что, если он уже никогда не вернётся? Что станет с ними? Они и дальше будут нести это имя, теперь уже в память о нём, или оно сгинет вместе с великим воителем?

Лета тоже умерла. Рыцарь-обвинитель сражалась до последней стрелы, её грифогончая испустила дух прямо у её ног. Все они канули в небытие.

Они были громобойцами, и проклятые небеса не могли удержать их. Актин верил, что однажды все они вернуться, но до тех пор палата Таранитов была всего лишь тенью былой себя. Порой ему казалось, что он остался совершенно один – одинокий выживший, обречённый хранить память о дорогих сердцу мертвецах.

Он глубоко вздохнул. Актин пробыл рыцарем-реликтором много лет. Пройдя обучение в храме реликторов, он погрузился в заботы о душах своих соратников, пока его собственная, снедаемая горем и терзаемая печалью, сворачивалась внутри. Палата Таранитов была переведена в Хаммерхол-Акша, под своды Перспикария, чтобы восстановить свои силы и оправиться после потерь при Эксельсисе. Но для Актина это было бесцельное ожидание.

«Ожидание чего? – подумал он. – Или кого?»

До него донёсся скрип массивных дверей, открывающихся на другом конце зала, и звуки шагов по мраморному полу. Актин ещё раз упрекнул себя за сомнения и проскользнул между постаментами, стараясь ступать как можно тише и держаться в тени. Он не хотел прерывать ритуал искреннего почтения кого-то из братьев. К чему им его жалость, если всё, чего они хотели – это провести время в окружении вещей, оставшихся от лучших из всего буревоинства.

– Ты ведёшь себя как вор, не желающий быть пойманным, Актин, – нагнал его чей-то голос. – Надеюсь, ты ничего не украл из этого священного места?

В нескольких шагах от двери Актин обернулся и увидел другого рыцаря-реликтора. Грозорождённый замер недалеко от посвяtitельного алтаря в свете, льющемся через большие витражные окна. На мозаике цветного стекла, изготовленной величайшими дуардинскими мастерами, был изображён Зигмар, с угрюмым сочувствием вззирающий с высот небесного Азира.

– Луна Инластрис, – произнёс Актин, – ты поймала меня с поличным. Но вынужден признаться, что ничего отсюда не украл. Разве что время, которое предназначалось моим обязанностям.

Луна приблизилась к нему, стуча посохом по мраморному полу. Реликварий висел у неё на поясе. Как и Актин, она не снимала шлема. Золотой зигмаритовый ореол обрамлял её лицевую маску. Актин считал, что рыцарю-реликтору должно соблюдать дистанцию меж собой и теми, кому он помогал на войне. И Луна прекрасно усвоила этот урок в храме реликторов, поскольку, даже подойдя вплотную, не оголила голову.

– Должно быть, в последнее время обязанностей у тебя поубавилось, – сказала она – как, впрочем, и душ

на твоём попечении. Я слышала, какая участь постигла Таранитов в Эксельсисе. Какие потери вы понесли. Мне жаль, Актин.

- Позором мы себя не запятнали, - ответил он. - Как и подобает, мы бились до последнего, не больше и не меньше наших ожиданий.

- И всё же горе не оставило тебя. Я вижу его отпечаток на твоей душе. словно тень от облака, проплывающего над глубокими водами. Ты не винишь себя, не правда ли? Но...

- Но? - Актин поднял голову.

- Ты раскаиваешься, - продолжила Луна, - в том, что не умер вместе с ними. Почему?

- Чёрт бы тебя побрал, Инластрис, - выдохнул Актин. - С тех пор, как тебя выковали, не прошло и десяти лет, и всё же ты обладаешь пронизательностью воина со столетним опытом за плечами. Готов поспорить, ещё десяток, и ты станешь лордом-реликтором.

Он даже поверил, что за своей сигаритовой маской она улыбнулась.

- Прости меня, - сказала она, склонив голову. - Во многих отношениях для меня это новый опыт. Я не наделена такой пронизательностью, дорогой друг, и говорю лишь о том, что вижу. Горе гложет тебя, это ясно как день.

Они проследовали мимо витражных окон под взором Зигмара. Может льющийся в залу свет раскрыл в нём честность, которую Актин хотел скрыть? Всё-таки в глазах Зигмара ложь лишалась всякого смысла.

- Если я и раскаиваюсь, то виной тому чувство исчерпанного предназначения, - сказал он. - Я - рыцарь-реликтор, но я потерял связь с собственной душой. Я пережил битву, в которой другие погибли. Я живу дальше в то время, как другие терпят поражение, а порой даже не возвращаются. С какой целью? Чтобы хранить это в памяти? Но зачем? И для кого? Признаюсь тебе, Луна, многое лишилось для меня всякого смысла. Быть может, моё истинное предназначение кроется в другом месте, лежит на другом пути, который я пока не в силах разглядеть...

Некоторое время она молчала, просто стояла в задумчивости, и на миг Актин задался вопросом, а слышала ли она его. В конце концов, она заговорила, повернувшись лицом к окну:

- Ты думаешь, оно лежит за пределами твоих покоев. Я вижу это в тебе, жажду исследовать новый путь и отыскать себя в деле, которое будет зависеть лишь от твоих способностей и суждений.

Актин мягко рассмеялся.

- Ты сформулировала то, о чём я и подумать не успел.

Рука Луны легла на наруч его доспеха.

- Многие знают, Актин, что ты испытываешь неподдельный интерес к людским деяниям. Говорят, в Эксельсисе ты много времени проводил в компании скромных жрецов и рыночных торговцев, слушая их истории. Ты учишься у простых людей, ожидая, что твой пример вдохновит их. Я права?

- Не стану этого отрицать, - ответил Актин, хотя последний раз стены Перспикария он покидал много месяцев назад.

- Ты чувствуешь связь с людьми, хотя сам человеком не являешься. По крайней мере, уже. Порой меня

мучает вопрос, а был ли ты им когда-нибудь по-настоящему... – Глазами она читала то, что, вероятно, он сам был не в силах разглядеть в собственной душе. – Ты не сторонись их, словно хочешь отыскать своё спасение в попытке посвятить себя людям. Простым людям, смертным. Пресекая на корню несправедливость, от которой они пострадали.

– Настоящий рыцарь, – хмыкнул Актин.

Инластрис стукнула по оружию, висевшему на бедре, и перевела взгляд на клинок Актина.

– Ты и вправду предпочитаешь меч булаве. В конечном счёте разве это не орудие эпохи куда более героической?

Актин постарался отрешиться от её слов, но она подобралась слишком близко к истине. У смертных всего одна жизнь; и если они хотят прожить её с честью, каждый их выбор имеет огромное значение. Они вдохновляли его. Конечно, если сейчас он был честен с самим собой. Риск, на который шли смертные, был гораздо выше.

– У тебя нет второго имени, не так ли? – спросила Луна. – Я – Инластрис, в знак о том свете, который чувствую внутри себя. То имя, которое я носила раньше, больше мне не принадлежит. Но ты, ты всегда был Актином.

– Да, – сказал он. – Я тот, кем я был. Тот, каким я себя вижу, по крайней мере.

– Имена сообщают другим, кто мы такие...

– Оно было бы излишним украшением, не более. И ничего не могло бы поведать обо мне.

– Но, помимо этого, – продолжила Луна, – ещё и о том, кем мы хотели бы стать. Ты – Актин Полунаречённый.

Она отвернулась от него и взглянула на обрывок знамени Грозорождённых, висевший за стеклянной стеной. Вымпел, некогда реявший на ветру далёкого поля битвы.

– Это знамя Первой Ковки, – сказала Инластрис, понизив свой голос. – Оно побывало в первых сражениях Молоторуких на Серном полуострове.

Актин встал рядом с ней.

– Ты почтишь церемонию присутствием? Следующей луной? – спросил он. – Памятный день близок. Алтарь будет воздвигнут в форте Игнис, где Ванд впервые ступил на землю Акши. Молоторукие конечно же будут там, и Таранитов пригласили присоединиться к ним. Как и Громовых Стрел.

– Нет, – ответила Луна, и в голосе её промелькнули грустные нотки. – Завтра мы выступаем в Шаиш. И я вновь увижу могильный песок родного владения.

Актин взглянул на неё, через маску на лице и сигаритовую броню. Он разглядел очертания её души – переплетение духовных нитей, ярких и тихих, налитых пламенной силой её буророждённой жизни. А за ними, в самой глубине – черты смертной девы, которой она когда-то была.

– Ты помнишь тот миг? – тихо спросил он.

– Да.

- Заговоришь ли о нём когда-нибудь?

- Нет, - ответила она. - Нет, я... думаю, что нет.

- И всё же, ты отдала свою жизнь, оберегая любовь. Я вижу это так же отчётливо, как ты видишь горе во мне. Я вижу силу этой любви, заставляющую тебя идти дальше.

- Человек, - прошептала она, прижав латную перчатку к груди. - Я отдала жизнь за человека, которого любила, но... Я знаю, что он мёртв. Он должен быть мёртв. Однако любовь всё ещё движет мною.

- Тогда я завидую тебе, Луна Инластрис, - сказал Актин. - Ибо в тебе есть то, что нетленно. Нечто большее, чем душа, которую ты хранишь. Прощай, мой друг, - он отвесил короткий поклон. - И будь осторожна в Шайше.

Актин отвернулся и направился в сторону дверей. Когда его пальцы сжались на ручках, Луна окликнула его по имени. Актин повернул голову и увидел её, вновь купающуюся в свете витража. В свете Бога-Короля.

- Ты помнишь, Актин? - спросила она. - Ты помнишь свой миг?

Он взглянул на окно и поймал на себе взор Зигмара. Взор хозяина, покровителя. И бога.

- Нет, - солгал он. - Я не помню ровным счётом ничего.

Глава 3. Медные Пряжки

Это была самая что ни на есть обычная записная книжка - чёрная, чуть больше десяти сантиметров в диаметре, - но полковник Петра Зарджак готова была отдать жизнь за неё. Даже если Хаммерхол сгорит дотла, она приложит все усилия, чтобы сохранить её в целости.

Она провела большим пальцем по мягкому, кожаному переплёту, нащупала каждую царапину и зазубринку, пролистнула страницы до самого конца - ряды и столбики с цифрами заплясали у неё перед глазами; а затем вернулась в начало, где были начертаны слова.

Она прикрыла глаза, захлопнула книжку и почувствовала знакомую дрожь - волну ужаса, которая растекалась по плечам. Она прижала пальцы к переносице, сделала глубокий вдох и сосредоточилась на настоящем моменте.

«О прошлом уж никто не судит, - повторяла она про себя. - Есть только здесь, сейчас и то, что будет».

Хватка ужаса ослабла, дрожь отступила.

За деревянной обшивкой дальней стены был спрятан сейф. Она сняла несколько досок, сорвала с шеи ключ и быстрым движением открыла замок. Сейф был изготовлен из чёрного, маслянистого наощупь железного дерева, закалённого в кузнях дуардинских железняков, что трудятся в переулках Угольной Пыли. Это вложение обошлось ей недёшево, но, сказать по правде, оно стоило каждого уплаченного уголька. В записной книжке были отмечены все суммы, которые она когда-либо вымогала у нижестоящих, и все взятки, которые она когда-либо предлагала вышестоящим. За минувшие годы колонки с одной стороны значительно выросли, а с другой - поубавились, и даже при беглом знакомстве с цифрами это было заметно. Стоит ли говорить, что это грело ей душу.

«Но, когда ты так близко, - думала она, - разве могут они пригодиться? Как подкупить богатейших

людей этого города, если деньги для них не главное? Что ты можешь предложить им взамен?»

Барабаня пальцами по обложке, она оглянула свой кабинет, весьма аскетичный по меркам большинства старших офицеров: письменный стол, единственный комод и придвинутый к стене книжный шкаф. Показная демонстрация медалей или боевых трофеев, впрочем, как и полки, забитые трактатами о науках стратегии и тактики, были не во вкусе Петры Зарджак. Здесь не было ничего, что свидетельствовало бы о её присутствии. «Ничего, кроме форменного камзола, перекинутого через спинку стула, меча и нагрудника, сложенного в углу комнаты», – подвела она мысленный итог, полностью её удовлетворяющий. Это был кабинет человека, который оказался в городе проездом. 43-й полк вольной гильдии Золотых Львов по прозванию «Медные Пряжки» находился в её подчинении, но как только он сполна послужит её цели, она оставит командование.

Она убрала книжку в сейф, захлопнула дверцу и поставила доски на место. На столе у неё стоял графин с акшийской огненной водой двенадцатилетней выдержки. Она приблизилась к нему, отлила себе немного и сделала глоток. Алкоголь обжёг губы, всколыхнув языки сладкого пламени у неё в желудке, и все её проблемы разом стали чуточку меньше, превратились в незначительные неудобства, которые легко решаются или достаточной суммой денег, или угрозой, высказанной в правильном месте.

Зарджак встала у окна и снова пригубила напиток, глядя вниз, во двор, где каждый день собирался весь личный состав 43-го. Близилась ночь. По краям площади стояли эфирные фонари, внутри которых клочкотали мягкие зелёные огоньки. Несколько солдат шли вразвалочку вдоль пыльного плаца в направлении столовой. У троих не было парадных фуражек на головах, ещё у двоих были расстёгнуты камзолы. В любом другому полку это закончилось бы наказанием – каторжными работами и парадными учениями, и так до тех пор, пока это их не сломает. «Здесь же, – с пренебрежением подумала Зарджак, – пускай делают, что им вздумается – конечно, пока исполняют мои приказы».

Её взгляд устремился за казармы, туда, где шпили и колонны Хаммерхола пронзали небеса. Вдалеке виднелся вычурный фасад Великого собора Зигмара, и хотя до него было не менее двадцати миль, он высился в самом сердце Хаммерхола, словно неприступная крепость. Прямо за ним располагалась грозная крепость Молотов, златых воителей Зигмара. Со всеми её куполами и статуями, с потрескивающими волнами коронных разрядов, которые мерцали на фоне ночного небосвода, грозная крепость глумилась над собором, словно тот был хибарой погонщика. А в Конклаве, тем временем, заседали люди, которые и с собором, и с грозной крепостью говорили на равных, которые держали их в рамках единого закона и которые не боялись их. Какая власть, какое величие...

«Однажды, – подумала она. – Очень скоро».

Если приглядеться, то за огромными, внушительными строениями можно было увидеть окутанные дымом переулки и проспекты Работяжен, того самого места, где она родилась и выросла и откуда при первой же возможности улизнула, прямым в лапы гильдийцев. Назад она не собиралась. Она подкупала и подставляла, пока не получила назначение, потом подкупала и подставляла, пока не стала командиром личного полка. Всё, что ей осталось – это одержать знаменательную победу, достичь крупного успеха на поле боя. Тогда-то и начнётся её настоящая жизнь. Она была так близка, что могла почувствовать её на вкус – вкус, который был крепче огненной воды, греющей её бокал.

Раздался негромкий, уважительный стук в дверь. Зарджак знала, кто это был. Открывать она не торопилась. Перво-наперво осушила бокал, потом села за стол, приглушила фонарь, чтобы на глаза её легла тень, сцепила пальцы и выждала ещё немного.

- Входи, - наконец, сказала она.

Сержант Колмик, её адъютант, проскользнул внутрь с кипой свитков под мышкой и неприятной улыбочкой на лице. Он был стройным и опрятным, а свои чёрные волосики прилизывал гиранской помадой с цветочным ароматом. Он вытянулся во весь рост и льстиво отсалютовал, но она прекрасно видела расчётливый блеск в его глазах. Глядя на него, и представить было нельзя, на что Колмик способен. Зарджак редко доводилось встречать столь безжалостного манипулятора. Он был лжецом и головорезом.

Во всяком случае, её лжецом и её головорезом.

- Ну? - сказала она, кивнув на стул по другую сторону от стола.

Колмик сложил кипу пергамента перед собой и уселся. Бросив одобрителный взгляд на огненную воду, он скрестил ноги. Зарджак не предложила ему выпить.

- Всё так, как я и думал, - ответил он.

Колмику было не больше двадцати - слишком молод для сержанта, - и в голосе его проскальзывали нотки невинной кротости. Зарджак это всегда забавляло. В должности её адъютанта он пробыл всего два года, а она и представить себе не могла, как раньше без него справлялась.

- Йеменск, Каттлер и Алтин, в общем-то всё. Мне удалось перехватить это.

Он склонился над столом и, порывшись в документах, выудил потрёпанную пачку бумаг. Зарджак выхватила её из рук Колмика и пробежала глазами по страницам.

- Мне это ни о чём не говорит, - на этих словах она вернула ему бумаги.

- Ну конечно, вероятнее всего это шифр, - предположил Колмик. - Но там есть все детали. Диспозиция, время. Они спланировали всё на следующую неделю, когда Молоты отправятся на Серный, чтобы провести церемонию. Местные полки - 29-й, 32-й и 110-й - будут стоять в почётном карауле на всей протяжённости маршрута. Так, шанс, что они вмешаются, сводится к минимуму.

Зарджак внимательно посмотрела на него, её тусклые карие глаза встретились с его быстрыми голубыми. Он мог солгать ей, чтобы воспользоваться моментом - свести кое-какие счёты, избавиться от балласта, а там глядишь и путь к вершине откроется. Колмик невинно улыбнулся. Она провела несколько расчётов в голове. Хотя какое это имело значение, в конце-то концов? Виновны эти трое или нет, в любом случае, расправа с ними только укрепит её хватку, и все узнают, чем чревато неподчинение.

- Переворот, - произнесла она, откинувшись на спинку стула. - Мятеж.

- Уверен, слова они подбирают помягче. - Колмик улыбнулся. - Майор Йеменск, похоже, главный. - Он положил клочок пергамента на остальную стопку. - Роты Каттлера и Алтина поддержат его, захватят казармы, свяжутся напрямую с советом Золотых Львов. Может даже схватят вас, полковник, в этом самом кабинете и изучат содержимое вашего сейфа.

Губа Зарджак слегка дёрнулась. Ну конечно Колмик знал о её сейфе - в ином случае она бы сильно разочаровалась в нём. Но Колмик не знал, что именно находится внутри - это уж точно. Она чувствовала, как цепочка от ключа холодит её кожу. Он был дуардинской работы, лучший в своём роде - не было ни одного ключа, способного открыть сейф, кроме того, который она носила на шее. И даже

лучшие отмычки, что только можно было раздобыть в этом городе, не справились бы с тайником – на это она готова была поставить все свои сбережения.

- Потом военный трибунал, позор, может даже казнь... – задумалась она вслух. Затем вновь посмотрела на Колмика и приняла решение. – Арестуйте их. – Она схватила бутылку, налила себе ещё один бокал, немного поразмыслив достала второй из ящика и наполнила его следом, а затем протянула сержанту. – Бросьте их в кандалы. Но тихо, я не хочу, чтобы кто-то знал.

- Арестовать? – Колмик сделал глоток, приподняв одну бровь. – Не думаете, что нечто более... долгосрочное лучше сыграет вам на руку?

- Они уважаемые офицеры. Это рычаг давления на их роты.

- Если их так любят, то, прошу прощения, не слишком ли рискованно оставлять их в живых?

Зарджак качнула головой.

- Каттлера и Алтина я ещё могу переманить на свою сторону. Они будут мне должны. А Йеменск... С ним надо разобраться раз и навсегда, отнять у него всё, что он имеет. Просмотри его квартирмейстерский счёт и пропускную книжку в офицерской столовой. Всё, что он мог припрятать. Мне нужно всё. А потом уже решим, что с ним делать.

- Как прикажете, полковник, – ухмыльнулся Колмик.

Зарджак закинула ноги на стол и посмотрела в открытое окно. Всякий раз, когда ночь опускалась на Хаммерхол, над городом проносился звон соборного колокола. Она чувствовала дым Железнокованных фабрик, горький запах чёрного пороха и фугасов. Великий город кишел миллионами, и всё это были жизни, проживаемые в тени бесконечной войны. Каково это, когда все они у тебя на ладони? Все их надежды, мечтания и судьбы в твоих руках...

- Одно великое сражение, – вздохнула она. – Одна победа. «Медные Пряжки» станут почётным полком, меня сделают городским героем, и дорога в Конклав открыта. Каждый день рассветоносные походы отправляются в дикие земли, и половина из них пропадает навсегда. Это лишь вопрос времени, когда нас призовут, чтобы вызволить Рассветных из какой-нибудь передраги. Зверолюды мычат с холмов, гул фанатичных людоедов разносится над пустыней... Я так близко, Колмик, так близко.

- Если позволите мне сказать, вы отлично справляетесь, полковник. До сих пор вы берегли нас от всех неприятностей. И это кажется мне... необычным – жаждать битвы после всего того, что мы сделали, лишь бы её избежать.

Зарджак негромко рассмеялась. Она осушила бокал, и огненная вода обожгла желудок, словно настоящее пламя.

- Мы должны убедиться, что в следующий поход Молотов именно нас возьмут в сопровождение. Нужно хорошо показать себя, Колмик, только и всего. Расстрелять несколько ружей, предпринять пару героических вылазок. Остальную работу сделают золотые мальчики. Войну они любят, так пусть вынесут всю её тяжесть, а мы соберём медали. Место в Конклаве будет мне обеспечено.

- Уверен, вы заслужили его как никто другой, – сказал Колмик. Он снова расплылся в угодливой улыбке, но глаза его остались такими же холодными. – Я лишь надеюсь, что, когда вы подниметесь в должности, вы не забудете о тех из нас, кто верой и правдой служил вам, полковник.

- Не беспокойся, сержант, - вновь рассмеялась она. - Мало нынче хороших адъютантов, а личный секретарь никогда лишним не будет, я уверена.

Колмик медленно кивнул. Её слова его не убедили. С тех пор, как она стала полковником, «Медные Пряжки» приняли участие всего в полдюжине мелких стычек, ни одна из которых не обременила их силы. Немного пролитой крови, несколько десятков раненных и горстка новых шрамов - вот и всё, что было нужно для поддержания хорошей репутации. Как и большинство солдат из 43-го, Колмик не видел настоящей войны. Впрочем, как и она. И всё же Молоты будут на их стороне, что может быть проще? Тем более, она зашла так далеко. Осталось всего несколько шагов.

- Я когда-нибудь рассказывала тебе о Томане Кайте? - спросила Зарджак.

- Нет, полковник.

- Это случилось много лет назад, - сказала она. - Задолго до моего перевода в 43-й. Я тогда служила в 92-м, в «Пустынниках», и только-только стала капралом. Впервые ощутила вкус... не столько власти, сколько авторитета. Кайт был...

Она снова вздохнула, вспомнив его. С чего вдруг она решила рассказать об этом Колмику? Неужто опять голос совести? Ещё один способ помешать змее ужаса свернуться вокруг её шеи?

- Кайт был несуразной персоной, - продолжила она. - Родился и вырос в богатой, знатной семье. Был хорошо воспитан. Воображал себя поэтом и постоянно что-то чиркал в тетрадах. Другие солдаты безжалостно насмехались над ним. Одному Зигмару известно, какого чёрта он прозябал в рядах. Думаю, у него было какое-то странное представление о «благородстве простых солдат», которое за пять минут в их компании улетучилось бы мигом. - Она немного помолчала. - Я превратила его жизнь в ад.

- Всё ему же на благо, полковник, - ответил Колмик. - Я уверен.

- Скорее уж мне, чем кому бы то ни было. Вытянуть из него деньги было проще простого. Можно было пригрозить ему наказанием и заставить строчить письма своим родным, чтобы те прислали ему запас углей. Нетрудно догадаться, что они тут же отправлялись ко мне в карман. Несколько месяцев я продолжала в том же духе и так заработала целое состояние. Правда, то было лишь начало...

- Смею предположить, блестящую карьеру в вольной гильдии он не сделал? - спросил Колмик.

- Нет, - ответила Зарджак. - Не сделал.

- Что с ним стало?

Зарджак вернула пустой бокал на стол и, пристально посмотрев на Колмика, небрежно махнула рукой.

- Не имеет значения. Как я уже сказала, это было очень давно. А теперь приступай к делу. И брось этих офицеров в кандалы.

- Немедленно, полковник.

Колмик вскочил на ноги и отдал честь, потом быстро собрал все бумаги и выскользнул за дверь. Она слышала, как его шаги удаляются вниз по лестнице, и только убедившись, что он ушёл, налила себе ещё один бокал.

Томан Кайт... Что во имя Акши заставило её заговорить о нём? Она вспомнила выражение его лица,

когда отпирала камеру. Он знал, что она натворила, но ничего не сказал. Сфабрикованные обвинения. Подброшенные улики. И, наконец, донос. Она до сих пор видела, как он приподнял подбородок, когда расстрельная команда заняла свои позиции. Видела книжку, которую он всучил ей, прежде чем его увели: новую, обёрнутую чёрной кожей, с одним единственным стихотворением на первых страницах. Зарджак отхлебнула огненной воды и прикрыла глаза.

- О прошлом уж никто не судит, - прошептала она. - Есть только здесь, сейчас и то, что будет.

Глава 4. Серный полуостров

Две недели минуло с тех пор, как они покинули Хаммерхол, и вот, наконец, по ту сторону волдыристых равнин, в двадцати милях от неё замаячили очертания форта Игнис. Словно железные плиты, прочные стены крепости поднимались ступенчатыми ярусами. Они были серого маслянистого цвета, а высящиеся над ними зубцы напоминали затупленные клыки, что впиваются в красноватое небо. Форт был окружён четырьмя высокими башнями, каждую из которых венчали торнеллы из переливающейся бронзы. Вокруг же всей этой громады протекал ров жаркого пламени.

Сказать, что это место выглядело неприступным - не сказать ничего. Казалось, будто огромная глыба камня и щебня, закалённая в огне подземелий и вырвавшаяся из тёмной бездны, была исторгнута самой землёй и предъявила свои права на Пламенную дельту. Там, где сейчас стоит форт Игнис, всё началось. Она знала это. То была первая грозная крепость, фундамент которой Молоты Зигмара заложили посреди этой отравленной земли. Именно здесь были разбиты Коргос Кхул и его Волна Кровопролития. Здесь всё началось.

Мачера Звезда Зари, рыцарь-обвинитель из палаты Громовых Стрел, стояла на каменном отроге и глядела в сторону форта, её большой лук свободно висел на руке. Под порывами яростного ветра пряди тонких чёрных волос выбивались из её длинной косы, перекинутой через плечо. Она чувствовала, как песок скрипит на зубах, как солнечный жар и ветер сушат её смуглую кожу. Перед ней простёрлась широкая безжизненная равнина, её земля цвета ржавчины то и дело содрогалась от постоянных подземных толчков. Она видела зияющие пропасти и ущелья, а также высокие консольные мосты, протянутые через них - заслуга дуардинских инженеров, которые трудились не покладая рук с тех пор, как дельта была отвоёвана. Она видела дорогу, петляющую вдоль равнины до самого форта - протоптанный путь шириною что-то около сотни ярдов, вымощенный щебнем и через каждые тридцать футов осенённый гордой статуей. То были герои Грозорождённых, проложившие сей путь и запечатлённые в мраморе.

Пар, вырывающийся из расщелин, окутывал всю равнину. Тут и там лежали горки бледного чёрного снега. Мачера чувствовала привкус вулканического дыма во рту. Ни один зверёк не копошился в земле перед ней, ни одна птица не парила под горячим небосводом. А те жалкие растеньица, которым удалось отстоять своё существование у сухой почвы, выгорели до оттенков тёмно-коричневого. Прошлой ночью было прохождение Таквии, первой луны; её золотой шар понемногу растворялся на севере, и огненный хвост тянулся ему вслед. Высоко в небесах, глея в тёмном водовороте проклятых небес, мрачная и беспокойная сфера Инферния полыхала под стать ещё одному солнцу. Далеко на востоке виднелись жаркие воды пролива Язвителей, плещущиеся подобно жидкому золоту, а на западе, в ядовитом смоге, притаились мёртвые пустоши Струпных земель. В тех местах, где земля представляла собой высушенную мозаичную корку, изрезанную долинами и ущельями, в небесах сгущались тёмные тучи. Порывы ветра не ослабевали ни на миг, но в воздухе всё равно стоял запах серы и пепла. Это была адская обитель, совсем непригодная для жизни.

А ведь когда-то здесь было гораздо хуже. Сама земля была пропитана кровью, а медные башни врагов пронзали небосвод от горизонта до горизонта. В отравленном воздухе разносились крики и мрачный смех. Мужчин, женщин и детей загоняли словно собак и без жалости тащили на людоедские пиры жесточайших убийц, которые когда-либо жили во владениях. Но эти убийцы и сами простились с жизнями. Когда разрушаться под их железными сапогами было уже, кажется, нечему, Зигмар нанёс ответный удар. Более трёх сотен лет назад медные башни были снесены, а земля – освобождена. Ванд и его Молоторукие позаботились об этом. Молоты Зигмара прорвались сквозь брешь и отвоевали этот первый плацдарм для армий, что были на подходе.

- Однажды, – прошептала Мачера, – я напишу такую же историю. Клянусь. – Она присела на корточки и зачерпнула горсточку ржавой земли. Даже сквозь латную перчатку она чувствовала тепло ладонью. – Клянусь этой землёй – землёй Акши. В честь меня и моих деяний они поднимут новую статую, и моё имя будет жить в веках, прямо как имя Ванда Молоторукого.

Она встала и вытерла руку, закинув колчан на спину. Большой лук был выше её самой, но вместе с тем – лёгким и гибким, словно тростинка. Мачера едва замечала его, настолько она успела сродниться с ним. Грозорождённая чувствовала, как её амбиции ярким светом полыхают в груди. Она была громобойцем и потому носила доспехи, выкованные богом. Сила бури разливалась по её венам, а все её человеческие слабости были выжжены молнией. Внезапно она ощутила жажду славы и битвы и поняла, что это чувство сильнее всего того, что она испытывала, будучи смертной.

- Владыка Зигмар, ты даровал мне то, чего я так желала, – сказала она. – И через победы твоя слуга почтит тебя.

Мачера свистнула, и на зов показалась грифогончая. Мадра спустился по склону, щёлкая клювом и взрывая когтями ржавую грязь. За минувшие две недели, что они провели в полусвоенных землях за стенами Хаммерхола, перья у него на шее запылились. Однако он был всё также бодр, нетерпелив, скор в лапах и остёр на глаз.

- Уже почти, Мадра, – рассмеялась Мачера. Зверь жалобно заскулил. – Я знаю, что все эти церемонии тяготят тебя ничуть не меньше, чем меня саму, но впереди нас ждёт священнодействие. – Она наклонилась, чтобы потрепать его по голове. – Мы отдадим дань уважения тем, кто прибыл во владения до нас, а потом, коли на то будет воля Зигмара, займёмся делом.

Она перевела взгляд на огромную колонну солдат и паломников, марширующих по длинной дороге к форту Игнис. Во главе колонны и по оба фланга шагали золотые воины Молоторуких и Громовых Стрел – тысячи и тысячи. Их доспехи были покрыты пылью, но всё так же ослепительно сияли в лучах, пробивавшихся сквозь тревожные небеса. Она видела отряды взыскателей в авангарде, с продолговатыми щитами и яркими копьями на плечах; массивных уничтожителей, прикрывающих фланги; колонны освободителей и воздаятелей – первокованных, которые казались какими-то простоватыми, но эффективными бок о бок со своими братьями-громобойцами. Их знамёна реяли на ветру, вышитые золотыми нитями сюжеты изображали боевые подвиги Грозорождённых – поистине филигранная работа. Один лишь взгляд на всё это великолепие взбудоражил кровь Мачеры. Впереди, как и положено, шагали Молоты Зигмара, и всё же она гордилась тем, что бок о бок с ними марширует её собственная палата.

Позади шествовали остатки Таранитов – потрёпанной войной палаты, которую всё ещё не укомплектовали. Их оставалось не более сотни. После злополучной осады их отправили в Эксельсис, дабы обеспечить охрану гурийского города от новых угроз. И что же, угроза пришла, причём изнутри –

один некромант предпринял попытку захватить Копьё Маллуса и поднял нежить из земли. Тараниты, судя по всему, приняли удар на себя. Мачере не очень-то верилось, что такое вообще возможно. Ведь они были Молотами Зигмара, не так ли? Они должны были победить, несмотря ни на что. Таковой была их миссия. Таковой была их природа.

Между марширующими Грозорождёнными, в тени золотых воинов, семенили паломники рассветоносного похода. Их знамёна стали кроваво-красными от той пыли, которую они поднимали своими ногами, а сами паломники на всём пути до форта Игнис распевали хвалебные гимны и возносили молитвы Зигмару. Толпы полуголых Рассветных с упоением хлестали себя плетью, орошая кровью землю, которая уже давно насытилась тем, что ей причитается. Остальные, под ритмичные напевы, волочили массивные медные цепи, прикреплённые к огромным металитам: тёмные осколки парящих камней высотой в сотни футов были нагружены всем необходимым снаряжением и провиантом, которые понадобятся походу во время освоения дикой глуши. Гремели трубы, грохотали барабаны, но особенно была слышна гулкая поступь Грозорождённых, марширующих по обе стороны. Закрой глаза, и покажется, что вдалеке собирается гроза. Гроза Зигмара. Буря, готовая вот-вот обрушиться на нечестивых.

Мачера оглянулась на форт. Совсем скоро Рассветные оставят его и выдвинутся на запад. Всю эту безумную какофонию они заберут с собой в пустоши, чтобы основать там новые поселения Зигмара. Они внесли свои имена в «Фолианты бесстрашия» и выступили из Хаммерхола со всем размахом, на который только были способны. Они построят свои храмы и жилища, и в зависимости от тех усилий, которые приложат, будут либо жить, либо разлагаться в земле. Исхода было два – или пустыня примет их, или они обнаружат, что не так уж там и мало врагов. Успех ждал не каждый поход.

«Прости мне мои слова, Зигмар, но пускай и на их долю выпадет беда, – подумала Мачера. Она слегка потянула лук и вновь повернулась к колонне. – Не тяжкая. Лишь дай мне повод прийти к ним на помощь и явить врагам силу моего гнева, чистоту моей преданности. Дай мне шанс, владыка, и я покажу тебе воительницу, какую ты ещё не видел».

Когда Мачера была уже на полпути к колонне, в небесах вспыхнула сфера Инферния, наполовину скрытая вихрящимися облаками.

Громовые Стрелы маршировали по правую руку от колонны, прикрывая её со стороны Струпных земель. Вернувшись к палате, Мачера тут же отчиталась перед своим лордом-целестантом, шедшим во главе. В отличие от многих, кто занимал столь высокий пост, Синдр Громовая Стрела пренебрегал ездовыми зверями, предпочитая маршировать бок о бок со своими воинами, и потому ни тауролон, ни дракот не вёз его над землёй. Его даже прозвали Синдром Бестрепетным, но не за храбрость и стойкость – хоть ни в том, ни в другом отказать ему было нельзя, – а за то, что Грозорождённый не боялся пеших маршей.

В ярком свете небес его кожа приобрела медный оттенок. Шлем он держал под мышкой, его тёмные волосы были коротко острижены, а глаза – холодные и серые, словно осколки кремня, – внимательно изучали дорогу. Он носил старинные пластинчатые доспехи Первой Ковки. Какой бы величественной ни была эта золотая броня, украшенная знаками отличия и филигранью и сверкающая даже после стольких недель, проведённых в пустошах, Мачера чувствовала себя выше рядом с ним. В конечном счёте она была громобойцем – одной из избранных Зигмара, которых выковали специально для беспримерной

войны.

- Путь впереди свободен, лорд-целестант, - сказала она, ударив кулаком по нагруднику в знак приветствия. Мадра бежал рядом с ней, мечась из стороны в сторону и словно пытаясь учуять запах добычи. - Одна из дорог отходит от нашей и ведёт к форту Игнис. Если глаза меня не подводят, доставить неприятности Рассветным ничего не должно.

Синдр благодарно кивнул.

- Ничего, кроме жары, кустарниковых зарослей и этих испарений, которые заволокли всё вокруг, - сказал он. - Ах да, и чёрного неба над головой.

- Уверена, на меньшее они бы не согласились, мой лорд, - сухо сказала Мачера.

Лицо Синдра скривилось в ухмылке, старый шрам побелел на подбородке.

- Ты не одобряешь? - спросил он, обедев колонну рукой. - Ну конечно, ведь ничто так не демонстрирует свет Зигмара, как простые люди, несущие его вглубь диких земель?

- Скорее, не осуждаю, - сказала она.

Шум шествующих толп был почти оглушительным. Трубы выли вразнобой, барабаны гремели без устали, и воздух сотрясался от топота тысяч ног. Высоко поднятые знамёна трепетали на суровом ветру. Но громче всего этого гвалта звучал марш Грозорождённых в зигмаритовых сабатомах - равномерная гулкая поступь воинов, не знающих усталости. Мачера взглянула на стену пыли, поднятую ногами Рассветных - на едва приметную кровавую дымку, которая окутала флагеллянтов, хлещущих себя плетями. Прямоком над ними, словно обуздав потоки тёплого воздуха, парили скованные цепями осколки металитов. Они напоминали лезвия копий, вскинутых над головами и готовых обрушиться на них в знак приговора.

- Это вдохновляет, - согласилась она, - но вместе с тем и... отвращает.

- Отвращает? - переспросил Синдр, приподняв одну бровь.

У Мачеры всё никак не получалось верно подобрать слова. Она не могла точно сказать, что именно отталкивало её в этом экзотическом зрелище. У служения Зигмару было множество способов - что правда, то правда, - но атмосфера уничтожения и легковерия, царившая в рассветоносных походах, не давала ей покоя с тех самых пор, как освободительные кампании впервые вышли из городов Зигмара.

- Я думаю, это своего рода представление, - сказала она, наконец. - Им недостаточно просто отправиться в такое предприятие. Главное, чтобы другие видели, как они это делают. Флагом своего благочестия они размахивают с таким же энтузиазмом, как и этими знамёнами.

Лорд-целестант лукаво посмотрел на неё.

- Я прекрасно знаю тебя, Мачера Звезда Зари, - ответил он ей. - Я знаю, какие амбиции полыхают в твоём сердце. Неужто ты хочешь мне сказать, что ищешь славы только ради неё самой? Или всё же ты желаешь, чтобы и другие видели, как ты добиваешься её?

Мачера пожала плечами и закинула большой лук на плечо.

- Всё это только для меня одной, - сказала она, хотя понимала, что это лишь половина правды. - Я знаю,

на что способна. Зигмар создал меня такой, и мой долг – стремиться к невозможному и достичь его.

– Готов поспорить – чтобы вдохновлять других, а не купаться в вечной славе, которую можно снискать по ходу дела... – Синдр неожиданно рассмеялся и похлопал её по плечу. – Ты амбициозна, рыцарь-обвинитель, надо отдать тебе должное! И я более чем уверен, что однажды твоё честолюбие станет моей опорой.

– Где, как не здесь, вести разговоры о честолюбии и вечной славе? – сказала Мачера. Она кивнула в сторону опустошённых земель и высящегося на горизонте форта. – Здесь, на Серном полуострове, где всё это началось.

– Да, – согласился Синдр. На его лице застыло подобие торжественного выражения. Несмотря на грохот и звон, казалось, что они шагают по территории собора или под сенью святилища. – Отметить победу Молоторуких – большая честь. И я горд тем, что Грозовые Стрелы будут присутствовать при этом.

– Но я не вижу *его*, – сказала Мачера. Она прищурилась в попытке разглядеть лица Рассветных сквозь лес реющих вымпелов и штандартов – там, где в авангарде колонны маршировали Молоторукие. Она видела, как сверкают их доспехи, как развеваются сине-белые знамёна, но во главе процессии шли только лорды да рыцари из командного эшелона. Его там не было.

– Нет, – тихо ответил Синдр. – Какой бы горькой ни была эта ирония, здесь он присутствовать не может.

– Это правда, что о нём говорят? – спросила Грозорождённая. – Что он...

Синдр покачал головой и отвернулся. На его лице повисла холодная, непроницаемая маска командира. Мачера понимала, что более ничего от него не добьётся. Даже если она не переступила черту, то, по крайней мере, подошла к ней очень близко.

– В любом случае, – произнёс он ледяным голосом, – походы могут сколько угодно выставлять напоказ свою добродетель, но они всё равно столкнутся с ужасными испытаниями. Мало тех, кого не постигла катастрофа в такой глуши.

Марширующая колонна достигла перекрёстка, где одна дорога уходила к форту Игнис, а другая – вела на запад, разветвляясь на грунтовые пути и поросшие кустарниками тропы. Грозорождённые направились к форту, чтобы восславить подвиги былых времён. Рассветоносный поход свернул в другую сторону – в пустошь, и коли будет на то воля Зигмара, среди Пепельных земель они обретут новоявленную славу. Когда Молоты Зигмара двинулись своей дорогой, толпа паломников проводила их радостным рёвом и вскоре скрылась в глубине красных лесистых холмов.

Сердцем Мачера желала им опасностей и бед. Это была мрачная мысль, но она даже не попыталась отбросить её. Позже она покается. Попросит отпущения грехов в храме реликторов, а пока, глядя, как толпа паломников растворяется в пыльном облаке, она желала только одного – найти любой предлог, чтобы броситься им на помощь. В одиночку, если понадобится – против самого страшного, что только могут предложить ей Владения Смертных.

Она подумала о Ванде Молоторуком, который столетия тому назад спустился на эту землю верхом на молнии. Он нанёс первый удар в истории, которая пишется и по сей день, страница за страницей.

«У меня будет своя глава, – пообещала она себе. – Том, нетленный в воспоминаниях всех тех, кто последует за мной. Клянусь».

Глава 5. Испытательный полигон

Если Перспикарий был в равной степени собором и крепостью – местом как для поклонения, так и для войны, – то форт Игнис едва ли не целиком воплощал собой военный аспект. Он властвовал над раскинувшимися вокруг иссушёнными землями, охраняя подступы к Серному полуострову и отбрасывая тень своего могущества на Пламенную дельту. Из его ворот выходили многочисленные патрули; на его дворах укомплектовывались и готовились к походам ударные формирования; с высоких крепостных стен велось постоянное наблюдение за окрестностями. Это было мрачное, неприступное сооружение, строгое и функциональное в отличие от вычурного Перспикария и уж точно не призванное восславить великого Зигмара.

Палата, которую выделили Феранту, была очень даже удобной: простая койка, сундук для вещей и стойка для доспехов, – и всё же он понимал, что это место никогда не станет ему настоящим домом, каким он считал великую грозовую крепость Хаммерхола. Он пробыл там всего месяц, но ощущалось это так, словно он знал Перспикарий всю жизнь. Форт Игнис, напротив, был всего лишь временной остановкой – местом, на стражу которого его отрядили. Это был первый вал, воздвигнутый против сил Хаоса, плацдарм, немалой ценою вырубленный в запёкшейся земле Акши. Пламенная дельта была жестоким местом, суровым и неумолимым, и чтобы защитить её, силы требовались соответствующие. Однако от одной только мысли о вечности, проведённой в стенах этого форта, Феранта пробирала дрожь.

«Дайте мне открытую землю, чтобы с щитом и молотом наперевес я выступил против своих врагов», – думал он.

Облачившись в белые одежды и оставив оружие и доспехи в своих покоях, Ферант шёл вдоль коридоров в сторону Большого зала. Как и сам форт, эти переходы были лишены всякого убранства, лишь на выбеленных стенах через каждые несколько футов встречались зажжённые канделябры – единственный источник света в коридорах. Полы были вымощены грубой каменной плиткой, а двери, то и дело попадающиеся на глаза, вели в другие палаты, оружейные, кладовые и трапезные.

Услышав позади себя шаги, Ферант обернулся и увидел Каста, выходящего из своих покоев. Без доспехов освободитель выглядел только внушительнее. Робы плотно обтягивали его грудь, а голова Грозорождённого почти касалась потолка. Его лицо выглядело так, словно отмолотили его знатно, и перековки отнюдь не помогали сгладить эти недостатки. Каст отличался низко посаженной челюстью, перекошенным носом и густыми, вечно нахмуренными бровями. Однако, несмотря на столь грозный вид, в карих глазах освободителя сверкала искорка шуточного характера. Весь последний месяц они тренировались бок о бок и потому довольно быстро сдружились. Каст владел большим клинком их свиты, и воина, куда более подходящего для этой роли, Ферант даже представить себе не мог.

– Ну что, молодой Ферант, – начал Каст, зашагав с ним нога в ногу, – мы отправляемся на пир? Но поумерь свои ожидания, парень, кухня в форте Игнис не блещет, если память меня не подводит.

– Ты бывал здесь раньше?

– О, и не раз. Правда, тогда я был моложе, если можно так выразиться, и уж точно красивее.

– Что-то не могу себе такое представить, Каст, – рассмеялся Ферант. Он хлопнул друга по спине, и звук раздался такой, словно он ударил ствол дерева.

– Ладно-ладно, – задумчиво произнёс Каст, – в конце концов, этот пир – всего лишь приветственная церемония. А вот завтра, во время посвящения, нас ждут дела посерьёзнее. Мы – главное событие, не

забывай, так что постарайся держать себя в руках. Я бы не хотел, чтобы вино ударило тебе в голову, учитывая, какой ты маленький и хрупкий.

- Уж как-нибудь постараюсь.

Каст угрюмо покачал головой и добавил:

- Да что там, если нам перепадёт хотя бы капля вина, можно считать это сущим благословением.

Дейтерия встретила их, когда они спускались по широким каменным ступеням, ведущим в обширный холл центральной башни. В самом конце этой просторной залы виднелась высокая дверная арка. Все трое направились напрямик к ней, причём Дейтерия и Каст не придавали ни малейшего значения тому месту, в котором бывали уже не раз. Ферант же, напротив, ничуть не стесняясь глазел по сторонам. На стенах по обе стороны, от потолка до пола, висели гобелены из выцветшей голубой ткани; белыми и золотыми нитями на них были вышиты имена воинов, павших во время защиты дельты. Сверху по кругу залы располагалась открытая площадка с низкой балюстрадой. Ферант видел, как из своих покоев выходят другие воины Молоторуких, облачённые лишь в поддоспешники или простые робы. Все они шли группами по двое-трое в направлении Большого зала. Среди них было даже несколько Таранитов, которые сопровождали их на марше от самого города - в строю их осталось ничтожно мало. Внизу ходили воины из палаты Венценосцев, они выполняли свои обязанности и потому были в полном боевом облачении. В настоящее время они стояли гарнизоном в форте Игнис и должны были выступить в качестве почётного караула на утренней церемонии.

Сам же Большой зал мало чем выделялся из общей атмосферы форта. Он был меньше грандиозного атриума грозовой крепости в Хаммерхоле, и всё же в поперечнике сто ярдов здесь точно насчитывалось. Простой потолок из железного дерева поддерживали гладкие неорнаментированные колонны. Стены были сложены из голого бурекамня, а помост в передней части зала поднимался над полом всего на несколько футов. Длинные пиршественные столы из чёрного мрамора тянулись друг за другом по всей длине зала, но ни скатертей, ни украшений на них не было. Еда была предельно простой: свежий хлеб, сыр, мясо да фрукты, собранные в плодородных садах Хаммерхола-Гира. Вино подавали в оловянных кубках, причём на дюжину воинов, к глубокому смятению Каста, приходился всего один кувшин.

- Во имя Бога-Короля, - пробормотал он, занимая своё место во всеобщей суете. - Напомни-ка, мы Молоты Зигмара или Наковальни Молотодержца? Да даже на похоронах Астральных Храмовников было бы веселее.

- Главное - не еда, друг мой Каст, - сказал Ферант, наполнив кубок Дейтерии. - Главное - та компания, которую мы составим друг другу, пока пируем.

Дейтерия вздрогнула, отпив из своего кубка.

- Понадеемся, что компания будет слаще, чем этот виноград.

В зале присутствовали все палаты, которые маршировали от Хаммерхола. Лорды собрались на помосте, и Ферант видел, как своё место занял не кто иной, как лорд-кастелян Андрик Каменное Сердце. Рядом с ним сидел лорд-целестант Синдр, командир палаты Громовых Стрел, прозванный Бестрепетным. Но даже столь прославленный воин склонил голову при виде Ионы Склепорожденного, лорда-реликтора, сражавшегося бок о бок с Вандом Молоторуким во времена первого удара. Выглядел он жутковато: шлем с черепной маской, ленты свитков вместо плаща, тусклое, не отражающее света золото доспехов. В отличие от остальных, он не сделал скидку на цель их сегодняшней встречи и был одет по-военному.

Ферант вдруг понял, что не может смотреть на него дольше одного мгновения. Что должно быть повидал на своём веку такой воин? Какими подвигами он мог бы похвастать, если этот грозный герой вообще способен на такую пошлость, как хвастовство?

Самого же Ванда нигде не было видно. Ферант пытался отыскать его взглядом во время марша, но его место занял лорд-кастелян. С тех пор, как он побывал на Острие Копья, Ферант ни разу не видел своего лорда-целестанта.

- Его здесь нет, - сказал Ферант. - Мне казалось, что уж где-где, а в форте Игнис, в такой важный момент, он точно покажется. Ведь всё это в его честь, не так ли?

- Это в честь каждого из нас, - сказал Каст. Он оторвал корку от буханки хлеба и принялся жевать. - Ванд не принимает участия в подобных встречах. Больше нет. Я бы хотел, чтобы всё было иначе, но... что есть, то есть...

- О чём ты? - спросил Ферант. - Что есть? Что с ним не так?

- В другой раз, парень, - покачал головой Каст. - Не сейчас. Негоже нам сегодня поминать печали и горести, когда надобно сосредоточиться на наших победах.

Грозорождённые понемногу собирались, и вскоре их стол был занят от края до края. Ферант кивнул каждому из членов своей свиты, будь они за тем же столом или на другом конце зала: Радегунду и Дагоберту, неразлучным товарищам, составлявшим передовую линию их подразделения, и Барро Каллинику, занявшему место во главе стола. Марш от самого Хаммерхола, через немыслимые акры Великого Пекла, был организован по палатам и свитам, но здесь, в Большом зале, да ещё и накануне посвящения, воины рассаживались так, как им вздумается. Взыскатели из Таранитов преломляли хлеб с освободителями Громовых Стрел; члены ангельского конклава обменивались военными байками с рыцарями из храма реликторов. Ферант был выкован самим богом и потому был практически невосприимчив к вину, однако удовольствия от того, что он просто-напросто находится здесь, в этой компании, ему было более чем достаточно. Он почти не обращал внимания на молитвы и речи лордов, разместившихся на помосте; чувство сопричастности и товарищества едва ли не с головой поглотило Грозорождённого. Здесь даже самый простой освободитель - пехотинец величайшей армии Зигмара - был на равных с такими легендарными воинами, как Синдр Бестрепетный и Иона Склепорождённый. Он мог запросто распить вина вместе с Актином, рыцарем-реликтом Таранитов, если бы ему того хотелось. Когда-то он был всего лишь крестьянином, жившим у моря; человеком, выступившим против тех, кто хотел сгубить его народ. Теперь же он был причастен к пиршеству полубогов, о которых слагали легенды во всех владениях. Это была большая честь - и он всё никак не мог свыкнуться с мыслью, что достоин её.

Ферант заглушил сомнения ещё одним глотком кислого вина. Каждый день с тех пор, как его приняли в Молоторукие, он повторял себе, что эта честь сообразна лишь с тем, как он примет её. Она была своего рода условностью - честью, оказанной в преддверии великого служения. В сущности, он был недостойн, и он прекрасно понимал это. Временами он всё ещё чувствовала себя крестьянином на берегу, сжимающим в руке копьё с перетянутой кожей рукоятью и заточенным камнем вместо наконечника. Волны омывали его ноги, кровь закипала в жилах, а враги неумолимо приближались. Разве будет от него польза во время битвы, когда рядом выступят такие герои, как все те, что окружали его сейчас?

И всё же Зигмар доверил ему это бремя. Ферант получил оружие и был закован в броню в свете Небесного Владения. И он поклялся, что не подведёт своего бога.

Он ел без особого аппетита и неторопливо потягивал вино, смеялся над шутками Каста и с восторгом внимал историям товарищей - о битвах и распрах. Дейтерия в своей спокойной, вдумчивой манере рассказывала о тех случаях, когда орруки и зверолюды были совсем близко к тому, чтобы разбить их свиту. От таких атак кровь стыла в жилах, но каждый раз Грозорождённые собирались с силами и одерживали верх. Перспектива таких стычек будоражила кровь Феранта. Ему не терпелось занять своё место рядом с этими бойцами, которых он с гордостью называл друзьями.

Вместе с тем он позволял вниманию блуждать по залу, впитывая всеобщую атмосферу, прислушиваясь к разговорам других и пытаясь понять, как устроена эта великая военная машина, как она мыслит и чувствует. Ферант знал, что Молоты Зигмара были серьёзными и преданными, и совсем не склонными к хвастовству. Каждому, кого он встречал с тех пор, как вступил в их ряды, была присуща какая-то мрачная вдумчивость. Каждый воин был словно мигом готов подвергнуть сомнению собственные решения и взгляды. Невольно он задумался о том, так ли они воспринимают его самого. Видели ли они в нём такого же серьёзного и преданного делу Грозорождённого? Видели ли они в нём гордого воина или просто-напросто ещё одного зелёного подменыша, ничтожного пехотинца, брошенного в водоворот бесконечной войны?

- Я слышала, его держат в клетке, - раздался голос где-то позади него. Он прозвучал грубо и надменно, и сразу же вызвал раздражение у Феранта. - Да, я о Ванде. Заперли в камере глубоко под Перспикарием. Слишком уж он опасен, чтобы выпускать на волю. Молот и трон, а ведь любого из нас может постигнуть та же судьба.

Ферант обернулся, чтобы посмотреть на того, кто произнёс подобное вслух. За столом позади него, несколькими местами ниже, сидела воительница. Её чёрные волосы были заплетены в длинную косу, которую она перекинула через плечо. Её лицо было свирепым, но худошавым на вид, с высокими острыми скулами и ртом, застывшим в ехидной ухмылке. Когда она говорила с товарищами, то постоянно тыкала в них своим пальцем, словно вынуждая спорить с ней. Одета она была в белую тунику и простые штаны, но чувствовала себя явно не в своей тарелке, постоянно одёргивая то рукав, то подол. «Ей не хватает комфорта доспехов», - подумал про себя Ферант. Со временем броня становилась частью тебя, символом твоего естества - как для тебя самого, так и для других.

Воительница повернулась и поймала на себе его взгляд. Прежде чем Ферант понял, что собирается сказать, он уже открыл рот:

- Возьми их обратно.

Голос Феранта был резким, словно мастерский удал кинжала. Он сглотнул. Глаза его слегка расширились, когда в голову пришло осознание, что будет дальше. Воительница растянулась в улыбке. Ферант не отвёл глаза в сторону. Он заставил себя встретить её взгляд, в котором проглядывало и довольствие, и презрение.

- О чём это ты? - спросила она.

- Свои слова. О Ванде Молоторуком. Он наш лорд-целестант. Он герой.

Она тихо рассмеялась и переглянулась с соратниками.

- Ты-то что можешь знать о героях, а? Неужто у нас тут сидит ветеран тысячи кампаний?

- Нет, - слабо ответил Ферант. Он почувствовал, как его лицо покраснело. Все вокруг умолкли, чтобы послушать. Ферант всё ещё сжимал свой кубок и теперь больше всего на свете хотел промочить горло

вином.

- Выглядит он так, словно только что из кузни, - сказала другая женщина, покачав головой.

- Ну-ну, Мирина, - подхватила воительница. - Откуда ты знаешь? Может перед нами и вправду легендарный боец. Как твоё имя, брат? - спросила она его, не спеша отпив из кубка. Глаз с него она не сводила.

- Ферант, - сказал он. - Ферант Рассекающий Волны.

По залу прокатился смех. Воительница приподняла одну бровь и сделала такой большой глоток, словно старалась скрыть улыбку.

- Звучит грозно, - сказала она. - Дай-ка угадаю... Освободитель, не так ли? Без доспехов трудно сказать. Полагаю, есть от вас ещё какой-то толк.

- Ты слышала мальчика, Звезда Зари, - проворчал Каст. - Вздумала оскорбить лорда-целестанта - не жди, что это запросто сойдёт тебе с рук.

- Ты оскорбила лорда Ванда, - сказал Ферант, его лицо стало ещё краснее. Молоторукие, которые слышали всё это, энергично зашептались между собой. - Если бы не он, нас бы здесь не было. Кто ты? Громовая Стрела? Таранит? Ты не из Молоторуких, и я не жду, что ты поймёшь, сколь много он для нас значит.

Её глаза, сперва ясные, опалово-жёлтые, внезапно потемнели. Когда она заговорила вновь, её голос был низким и сквозил угрозой. Она принадлежала к громобойцам, Ферант был уверен. У неё была эта осанка, вокруг неё витал такой воздух, будто она выделялась из общего стада. Даже без доспехов он чувствовал это.

- Ну и что же он значит для тебя? - спросила она. - Что ты можешь знать о Ванде Молоторуком, кузнечик? Что ты можешь знать о Молотах Зигмара, когда твоя душа - всего лишь незрелый плод, поспешно сорванный с ветки?

- Возьми слова обратно, - повторил Ферант, наклонившись к ней.

- Заставь меня.

Дейтерия подхватила друга за локоть.

- Не ведись на это, Ферант. Мы не варвары, чтобы на каждый шорох яриться.

В тот же миг Каст с грохотом опустил свой кубок на стол. Пир близился к концу, и за пределами их скромного уголка возмущение Феранта осталось незамеченным. Повысив тон, большой освободитель поочерёдно указал на Феранта и на воительницу:

- Испытательный полигон! Мы уладим всё там. И у тебя будет шанс, Мачера, - добавил Каст, - но своетую не недооценивать молодого Феранта. - Освободитель подмигнул ему. - У мальчика львиное сердце.

Воительница вновь посмотрел на Феранта, не выказывая ни малейшего беспокойства. Он стиснул зубы.

- Значит, испытательный полигон, - сказала она. - Постараюсь не сильно тебя потрепать.

Праздник был сплошным мучением. Речи, приветствия, которые одни произносили, другие – принимали, и все прочие церемониальные заурядности. Завтра палаты соберутся на полуострове для посвящения, и будет только хуже. Но за этим, по крайней мере, будет стоять священная цель. Всё пиршество Актин просидел, погружившись в собственные мысли. Ел без особого желания, вино из кубка так и не допил. От оцепенения он очнулся лишь тогда, когда молодой освободитель вызвал рыцаря-обвинителя на поединок. А может всё было совсем наоборот – с того места, где он сидел, трудно было сказать точно, да и внимание его не раз уносилось прочь из зала в течение всего вечера.

Как бы то ни было, думал Актин, занимая место на краю испытательного полигона, он не мог сказать, что согласен с необходимостью сегодняшнего поединка. В здоровом соперничестве конечно же не было ничего плохого. Оно поддерживало форму воинов, бросало вызов всем их умениям, вынуждало стремиться к большему. Но здесь, как ему показалось, присутствовала затаённая вражда. Недоразумение, вызванное вероломством. Так не пойдёт.

В форте Игнис испытательный полигон представлял собой площадку для спаррингов – круг тщательно утрамбованного чёрного песка, окружённый низкими трибунами с ярусными скамьями. Именно здесь расквартированные в форте Грозорождённые тренировались в свободное от службы время и оттачивали мастерство друг против друга. Здесь же они улаживали свои споры.

В этот вечер их собралось немного: несколько освободителей из свиты Феранта да пара соратников рыцаря-обвинителя. Актин сидел поодаль от них, на верхнем ярусе. Он не знал Мачеру лично, но репутация многое говорила за неё. Некоторые считали её лучшим стрелком среди Молотов Зигмара, мастерски обращающейся с большим луком. И хотя пережитые битвы не успели закалить её так, как она мнила себе, Мачера прекрасно знала, на что способна. Освободителя Актин не знал. Он был новокованным, и в нём чувствовались нетерпение и опаска, свойственные тем, кто сражался только в Гладитории Азира. Но в смелости Актин не мог ему отказать. Освободитель спрыгнул на чёрный песок с высоко поднятым мечом и сделал пару пробных взмахов. Мачера с довольным видом стояла на другой стороне, опустив меч к земле. Оба были без доспехов, облачённые во всё те же робы, которые надели для пиршества, впрочем, как и сам Актин. Без брони он чувствовал себя лишь наполовину здесь присутствующим, а своё лицо, не покрытое маской – обнажённым и уязвимым. Ему совсем не нравилось, что другие видят его истинный облик.

Ферант стянул с себя мантию и бросил её друзьям, оставшись в одной лишь набедренной повязке. На его груди всё ещё виднелась отметина от клейма на Острие Копья – подтверждение того, что он только-только пополнил ряды буревоинства. Актин покачал головой. Стоит ли от него чего-то ждать?

Мачера обвязала подол мантии вокруг талии и размяла шею. Ферант с опаской обошёл её кругом, держа клинок на плече. Его стойка была хороша: левая нога впереди, правая – отведена назад и готова принять на себя вес для ответного удара, – но двигался он так, словно был в строю с товарищами по обе стороны, со щитом в одной руке и молотом в другой. Мачера же, будучи превосходной лучницей, пребывала в полной гармонии со своим телом. Она двигалась как вода, легко переносила вес с ноги на ногу и даже не поднимая свой меч.

– Ну, давай, – сказала она. – На волну я не очень-то похожа, но сможешь ли ты мне что-нибудь отсечь, тут уж поглядим. Думаю, сможешь, если очень постараться.

Ферант рванул к ней и сделал выпад клинком, стремительный и мощный. Меч Мачеры вылетел будто бы из неоткуда и заблокировал удар. Её левая рука метнулась в сторону, а правая, словно змея, устремилась вперед...

Всё закончилось в считанные секунды. Актин не мог в это поверить. Ферант распластался на песке, его лицо было в крови, а меч лежал в дюжине футов. Мачера выпрямилась над ним и ухмыльнулась. Когда освободитель потряхнул головой и попытался дотянуться до упавшего клинка, она ударила его по макушке плоской стороной учебного меча.

- Нет, - резко сказала она. - Первая кровь за мной. Ты проиграл. Должна признать, это оказалось легче, чем я думала.

Со стороны товарищей освободителя поднялся недовольный гул. Лицо Феранта покраснелось от стыда, и Актин видел, каких усилий ему стоило всего лишь подняться на ноги с высоко воздетой головой. Но несмотря ни на что он протянул руку Мачере.

«Вот что такое сила воли, - подумал рыцарь-реликтор. - Собрать её в кулак и признать свои слабости».

Но Мачера лишь взглянула на протянутую руку освободителя и отвернулась, словно не заметив этого жеста.

Друзья Феранта негромко зашептались. Лицо самого крупного из них, Каста, приняло поистине смертоносное выражение. Он спустился на песок и хлопнул Феранта по плечу. Освободитель вытер кровь со лба тыльной стороной запястья. Он выглядел униженным.

Сам того не осознав, Актин поднялся с места. Его сердце бешено колотилось в груди. Над ним возобладал «бес упрямства», как однажды выразился один смертный философ. Внезапное решение, совершённое во вред себе, - просто чтобы посмотреть, что из этого выйдет.

- Рыцарь-обвинитель, - крикнул он. Воительница повернулась и взглянула на него. - Прими и мой вызов. Быть может, я стану для тебе более серьёзным соперником.

Он видел сомнение, промелькнувшее в её глазах. Но когда Актин спустился на песок, её неуверенность мигом рассеялась, и она посмотрела на него с тем же холодным удовольствием, что и на освободителя несколько минут назад.

- Рыцарь-реликтор Актин? Очень хорошо, - сказала она. - Если этим вечером в тебе тоже вспыхнуло желание учиться, я буду очень даже рада преподавать тебе свой урок.

- Скверно ты поступила, - сказал Актин, направившись к ней. Тёмный песок скрипел у него под ногами. - Такого унижения мальчишка совсем не заслужил.

- Он заслуживает куда большего, - ответила Мачера. - И когда дело дойдёт до настоящего боя, он столкнётся не только с унижением. Может, этот урок отложится у него в памяти. Кто знает, может он даже отсрочит его следующую перековку, если очень повезёт.

Актин явил ей всю мощь своего взгляда, его льдисто-голубые глаза глядели в самую душу, и Мачера довольно быстро отвернулась. Мало кто из его соратников видел этот лик, не покрытый маской. В конце концов, храм реликторов должен бережно хранить тайнство своего ордена.

- Подними свой меч, - прошипела она.

- Нет, - сказал Актин. - Он мне не понадобится.

Они встретились лицом к лицу на чёрном песке. Тихие разговоры по обе стороны испытательного полигона тут же смолкли. Над площадкой воцарилось напряжённое ожидание: зрители потянулись вперёд, чтобы собственными глазами увидеть бой рыцаря-обвинителя и рыцаря-реликтора.

Зачем он делает это? Какая польза от его поступка? Он вспомнил Чертог Реликвий в Перспикарии, вспомнил Луну Инластрис, стоящую в свете витража. Она видела то, чего он разглядеть не мог: как он искал спасения после всех своих поражений и сомнений. Неужели он надеется найти это спасение здесь? В яростной схватке с воительницей, которая должна быть ему товарищем и другом? Что с ним стало?

Актин почувствовал, как адреналин растворяется внутри него. Его ум прояснился, уверенность возобладала над телом, многолетняя сосредоточенность осела у него на плечах, словно плащ. Его руки спокойно висели по бокам, в то время как Мачера подняла свой клинок. В их распоряжении были только тренировочные мечи, достаточно тупые, чтобы пустить кровь, но недостаточно острые, чтобы нанести серьёзную рану. Они будут биться до первой крови, и он не собирался терять её очередной победой.

Надо отдать ей должное, двигалась Мачера быстро и для лучницы весьма искусно обращалась с клинком. Её первый удар просвистел мимо его уха - Актин уклонился лишь на волосок. Он отпрыгнул назад, когда за первым последовал и второй - Мачера взмахнула клинком на уровне груди. Она предугадала его выпад в попытке заблокировать её замах, но именно на то Актин и рассчитывал. Стоило ей перебросить клинок в левую руку в надежде вонзить остриё в живот Актина, и он тут же зарядил ногой ей в колено, заставив её вскрикнуть и отшатнуться назад. Тренировочный меч рухнул в грязь между ними. Актин подцепил его ногой и отшвырнул в сторону Феранта и его соратников.

- С твоим мечом мы были на равных, - сказал Актин. - Похоже, теперь я поставил тебя в невыгодное положение. Уступишь?

Она ничего не ответила, замахнулась на левый хук в его челюсть и тут же ударила снизу правым кулаком. Актин шагнул вперёд, отбив первый удар предплечьем, а второй - приняв рёбрами. Его собственное колено прилетело ей в живот, отбросив девушку в сторону.

- Ни разу не видела тебя без шлема, Актин, - сказала Мачера, поднимаясь на ноги. В её голосе чувствовалась лёгкая дрожь. - Твоё лицо и правда ничего не выдаёт. Шлем и то повыразительнее будет.

- Ну а что на твоём написано - прочитать не труднее, чем детскую книжку с картинками, - спокойной ответил Актин. Он легко прошёлся по краю площадки в ожидании её следующего хода. - Гнев, высокомерие, тщеславие. Всё, что ты чувствуешь, я вижу на твоём лице.

- Я, по крайней мере, хоть что-то чувствую, рыцарь-реликтор. Может, там, у себя в храме, вы и заботитесь о наших душах, но в том, что располагаете собственной, я всегда сомневалась.

- Моя душа - моё личное дело, - тихо ответил Актин.

Пора бы положить этому конец. Представление подзатянулось.

Он вновь шагнул навстречу её следующему удару, принял его плечом, вскинул руку и двинул локтем ей в лицо. Он услышал хруст кости, увидел, как из её носа хлынула кровь. Её глаза расширились и потускнели. Она вновь покачнулась, выставив руку перед собой, чтобы сохранить равновесие. Левым кулаком он ударил её в грудь, и Мачера повалилась на землю.

- Первая кровь, - сказал Актин и отвернулся. Он направился к Феранту и его освободителям, в то время как соратники Мачеры спустились с трибун, чтобы помочь ей подняться. Актин улыбнулся, но лицо Феранта горело от ярости.

- Зачем всё это? - прорычал освободитель. - Защищал мою честь, да? Думаешь, я в этом нуждался?

Актин открыл было рот, чтобы ответить, но прежде чем он успел произнести хоть слово, Ферант оттолкнул его в сторону и зашагал к двери. Кровь уже засохла на его лбу.

- Ты только преумножил моё унижение, рыцарь-реликтор, - сказал он, не поворачиваясь. - Мне не нужна твоя помощь ни в этом деле, ни в любом другом.

На дальней стороне поля Мачера поднялась на ноги, отмахнувшись от рук, которые протянули ей соратники и всё ещё слегка пошатываясь. Её глаза прояснились. На лице гнев боролся с унижением, зубы были оскалены, в глазах мелькало нечто похожее на стыд.

- Ты не так меня понял, - крикнула она Феранту, когда испытательный полигон остался у него за спиной, а его друзья последовали за ним. Спереди её белые робы были забрызганы кровью. - Он герой и для меня, и для всех нас. Я не хотела проявить неуважение. Ванд - величайший из наших героев.

Ферант приостановился, потом оглянулся на Грозорождённую, но, так ничего и не сказав, скрылся за дверью из железного дерева.

Когда Мачера ушла, и площадка опустела, лишь Актин остался стоять на чёрном песке. На трибунах никого не было. Испытательный полигон погрузился в тишину. В залах и коридорах форта Игнис воцарилась ночь. Все готовились к предстоящей церемонии на рассвете.

Рыцарь-реликтор опустил глаза на землю. Там, на фоне тёмного песка, яркие, словно закалённая бронза, сверкала кровь, оставленная Мачерой. Кровь, которую он пролил собственной рукой.

Глава 6. Первый удар

В то утро было темно. словно рваная простыня, проклятые небеса накрыли собой равнины и теперь бурлили в вышине: кружева и ленты тёмных облаков вспыхивали пурпурными молниями, а странные мерцающие очертания, то растущие, то сжимающиеся, всего на какой-то миг складывались в разверзнутые пасти, прежде чем тьма вновь поглощала их целиком.

Однако в тех местах, где свет был особенно нужен, его лучи просачивались сквозь мрак. Из форта Игнис палаты выступили маршем, и на всём пути вдоль Серного полуострова их шаг предваряли столпы бронзы и золота, словно навстречу им поднялась настоящая колоннада. Время от времени слабый ветерок наполнял воздух свежестью, унося с собой зловоние серы. Опустошённая земля, изнывающая от подземных толчков, ненадолго притихла. Сфера Инферния всё также неумолимо сияла за облаками, но даже красноватый воздух, распалённый её свирепым нравом, не довлел над землёю как раньше. Казалось, будто Пламенная дельта и все её окрестности обрели покой в преддверии грядущей церемонии, затаив дыхание в память о том дне, когда силы Порядка нанесли свой первый удар в освободительной войне.

Своему шлему Мачера была рада, как никогда, - благо он скрывал синяки, расцветшие вокруг сломанного носа. На вид они были такими же бледными, как проклятые небеса, нависшие над головой, - сплошная масса фиолетовых и чёрных оттенков. Боль её совсем не тревожила, да и сами синяки скоро

сойдут, но оскорбление, которое ей пришлось стерпеть, забудется нескоро.

Бесчестье. Унижение. Гнев.

Она кое-что слышала про Актина: безустанный воин, наделённый жутким спокойствием и неисчерпаемым мужеством. Мачера была готова к достойной схватке, когда на испытательном полигоне он назвал её по имени, но она совсем не ожидала, что проиграет так быстро. Да ещё и против безоружного соперника...

Кровь Зигмара, стыд буквально сжигал её изнутри. Актин застал её врасплох, вот и всё. Да и она была не в полную силу. Быть может, её испугало то, что вызов ей бросил настоящий *рыцарь-реликтор*, но признавать это она совсем не хотела. А ещё эти треклятые голубые глаза, словно бездонные омуты тихой воды. Это лицо, словно гладкая кость. В его чертах было что-то альвийское, подумалось ей тогда, от них так и веяло отчуждённостью, словно глаза рыцаря-реликтора видели дальше и глубже, заглядывали в те уголки, которые ей были неведомы. В сущности, он больше походил на статую, чем на человека, Грозорождённого или кого бы то ни было ещё. На досуге она подолгу размышляла, что же за тёмный миг привёл его к свету Зигмара? В какой великой битве он принял участие, какую жертву принёс, чтобы Бог-Король наделил его даром Грозорождённого? Она даже представить себе не могла.

Мачера покачала головой и, оставив внутренний гнев, подняла глаза на застывшую впереди статую: колоссальный памятник из бронзы и золота, в красках запечатлевший Ванда Молоторукого верхом на Каланаксе, его личном дракоте. Зверь возвышался над высохшими кустарниками, а Ванд величественно восседал у него на спине, вскинув свой боевой молот; его плащ, ниспадающий с плеч, был прорисован в мельчайших деталях. Молнии по кругу его шлема вбирали солнечный свет и купались в нём подобно огненным копьям. Статуя была поистине огромной, сто футов в высоту, а её основание – всего лишь вдвое ниже самой фигуры – выполнено из полированного мрамора, инкрустировано драгоценными камнями, преподнесёнными любезным народом Дуардинии, и украшено барельефом, рисующим победы Молоторуких в те долгие и жестокие месяцы после первого удара. Взятие Пламенных врат, осада Восьми Башен, разрушение врат Гнева – всё это было изображено здесь в благоговейном трепете перед чемпионами Зигмара. Неумолимый марш Грозорождённых и орды врагов, испускающих дух под их зигмаритовой пятой. Даже в самом маленьком городке, в самой крохотной деревне Акши на центральной площади обязательно высилась статуя Ванда Молоторукого, однако оригинальным творением был именно этот монумент. Он походил на копьё, воткнутое в землю и утвердившее намерение переселенцев. И пока он стоит здесь, бесстрастно смотря на Серный полуостров, новый порядок Зигмара будет жить.

«Здесь всё и случилось, – подумала Мачера, – на этой священной земле, по которой когда-то ступали герои».

Эта мысль утихомирила гнев и горькое чувство обиды. По обе стороны от Мачеры стояли другие рыцари из палаты Громовых Стрел: рыцарь-знаменосец Димтрия со штандартом, переливающимся на свету, и рыцарь-герольд Вазиликон с боевым рогом, лежащим на плече, словно копьё. Впереди стоял лорд Синдр, с его плеч свисал тяжёлый плащ – несколько лент с миниатюрными молотами на концах. Ну а за спиной Мачеры построились все воины палаты, свита за свитой: взыскатели и освободители; уничтожители и воздаятели – крупные воины из конклава паладинов; обвинители с небострелами наперевес. Если бы она повернула голову, то увидела бы строй, растянувшийся на полмили в обе стороны, – непроницаемую фалангу золотисто-синего зигмарита: Громовые Стрелы и Молоторукие стояли бок о бок, а сразу за ними – выжившие из палаты Таранитов. Даже воины Венценосцев ненадолго оставили свои обязанности в форте Игнис, чтобы принять участие в церемонии.

Равнина, на которой построились Грозорождённые, представляла собой целую милю плоской земли, испещрённой рытвинами и покрытой мелкой красной пылью. На севере и на юге высились стены зубчатых скал, поросших чёрным кустарником и усыпанных валунами какой-то неправильной формы. В двух-трёх милях к западу отсюда проходила дорога, ведущая в форт Игнис, – на горизонте проглядывали очертания крепости, приземистой и массивной. Впереди же, за статуей Ванда Молоторукого, виднелся вытянутый, листовидный мыс полуострова. За ним царил только океан – бесконечные и безжалостные просторы Купоросного моря, сверкающие словно сталь. Внезапно Мачера осознала, что когда Молоторукие выступили на свой первый бой, они стояли спиной к этому побережью. Сама мысль об отступлении была запретной для них, но в любом случае это не имело никакого значения – бежать было просто некуда. Выхода оставалось всего два: победа или смерть.

Перед статуей раскинулся мраморный двор, двадцать ярдов в поперечнике, вымощенный совсем недавно и обнесённый невысокой каменной стеной. Его пересекала дорожка, ведущая к новому алтарю на дальнем конце, где паломники могли задержаться и помолиться в благодарность за ту нескончаемую борьбу, которая велась во благо их; где Грозорождённые воины на пути в форт Игнис могли душой приобщиться к тем жертвам, которые принесли Молоторукие в дни давно минувшие. Сейчас вокруг алтаря собрались лорды из храма реликторов, и возглавил церемонию сам Иона Склепорожденный. Выпрямившись перед алтарём, он огласил почётный список имён – всех тех, кто сражался и погиб в первых стычках с врагом, кто был перекован, дабы вновь умереть, и кто снова и снова безропотно отправлялся на бой.

Чтобы расслышать его, Мачере пришлось напрячь слух. Ветер, дувший с побережья, сменил направление и налетел с западной стороны, где лежали безжизненные земли. С собой он принёс запах палёных волос и обожжённого металла – обычный акшийский букет, такой свежий, словно где-то неподалёку устроили погребальный костёр. Мачере это совсем не понравилось. Не должно бранным вещам порочить этот священный миг, это посвящение всем тем и поминание всех тех, кто боролся за свободу Владений Смертных в первых битвах новой эпохи. На западе собирались пылевые бури, сгущались громадные тучи и гремели раскаты грома. Пока другие читали молитвы, Мачера в почтении склонила свою голову, погрузившись в мечты о славе и почестях.

Когда церемония подошла к концу, она присоединилась к очереди Грозорождённых, которые собирались лично предстать перед алтарём. И хоть Мачера давно воображала себе этот момент – с тех самых пор, как узнала, что Громовые Стрелы были выбраны в сопровождение к Молоторуким, – сейчас она поняла, что хочет покончить с этим как можно скорее. Запах с пустоши усилился, а поднятый ветром песок теперь шелестел по её доспеху. Земля дрожала, сквозь грязь Грозорождённая чувствовала лёгкие толчки. Даже свет померк. На западе проклятые небеса стали будто бы темнее и... опаснее. «Надвигается буря», – подумалось ей. Рыцарь-обвинитель взирала на бурлящую поверхность сферы Инферния и мечтала лишь о том, чтобы поскорее вернуться в Хаммерхол и начать подготовку к следующей экспедиции. Хватит с неё церемоний, воспоминаний и посвящений. Хватит ворошить прошлое. Всё, чего она желала – это война и величие битвы.

Наблюдая за тем, как каждый воин преклоняет колено перед алтарём, а затем отходит в сторону, чтобы пропустить следующего, Мачера вдруг поняла, что рядом с ней стоит Актин. Подкрался, словно какой-нибудь гейст.

– Чего тебе, рыцарь-реликтор? Пришёл посыпать солью мои раны?

– Вовсе нет, – ответил Актин. Он был в шлеме, и потому его глаза тонули в темноте за прорезями для обзора. Рельефный череп на его нагруднике отливал белым светом. – Я пришёл, чтобы принести

извинения. Конечно, если ты их примешь.

- За что? - усмехнулась она. - За то, что побил меня в схватке? Потому что я бы не жалела ни о чём, сложишь обстоятельства иначе. За победу не извиняются.

- Нет, не за это, - сказал рыцарь-реликтор. Он отвёл голову назад, чтобы взглянуть на статую Ванда. Великий монумент отбрасывал тяжёлую тень на землю перед ними. - Вышло скверно, надо сказать. Мне вообще не следовало вступаться за Феранта Рассекающего Волны. Поражение и вправду преподносит свой урок, который всем нам предстоит усвоить - рано или поздно. И... мне стоило бы держать себя в руках. То, как я себя повёл вчера, было ниже моего достоинства.

Мачера недоверчиво покачала головой. Во рту появился горький привкус, от которого ей хотелось поскорее избавиться.

- Побороть меня было ниже твоего достоинства, так значит? Клянусь молотом, Актин, если это извинение, то мне страшно даже представить, как звучат слова из твоих уст, призванные оскорбить. Нет, тебе недостаточно было просто победить. Другие должны были это видеть. Вот чего ты хотел. Чтобы освободители видели, как Актин - великий герой - исправляет вопиющую несправедливость.

- Может и так, - признал рыцарь-реликтор. Грозорождённых перед ними становилось всё меньше. Скоро они поравняются с алтарём, и Мачере совсем не хотелось, чтобы рыцарь слушал её молитву. - Сказать по правде, в последнее время я и сам толком не знаю, чего хочу. Все мои свершения кажутся мне неудачами или проистекают из низменных побуждений, которые я сам не до конца понимаю. Я потерял всякое представление о том, какой цели служу.

Мачера повернулась к нему лицом.

- Жаль, однако. Бился ты хорошо. И кто знает, может, если бы в Эксельсисе ты бился хотя бы в половину также хорошо, то сейчас бок о бок с нами стояло бы больше твоих соратников.

Даже сквозь маску она видела, как вспыхнул его гнев. Из рта у него вырвался тёплый поток воздуха, и Мачера едва не схватилась за рукоять клинка. Однако в тот момент, когда они столкнулись лицом к лицу, пытаясь усмирить закипающую внутри ярость, ветер вновь переменился, и зловоние пустошей с новой силой ударило им в ноздри. Это был отвратительный запах - запах раскалённого металла, серы и крови.

- Похоже на бурю, - сказала она, повернувшись на запад и махнув рукой в ту сторону, где темнели тучи. Осознание, что это вовсе не облака, пришло совершенно внезапно. Это была пыль. Громадный шлейф пыли, поднятый ордами людей, взявших быстрый марш.

- Нет, - пробормотал Актин. Его меч тут же оказался в руках, но голос не дрогнул. Более того, в нём звучало облегчение, подумала про себя Мачера. - Это точно не буря.

Перевалив через хребет, море латунных и красных оттенков хлынуло на равнину. Это была толпа в помятых чёрных доспехах и грязных кольчугах, с уродливыми лицами, покрытыми кровью и сажей, и крючьями да шипами, торчащими из бледной кожи. Местами плоть налётчиков была освежёвана и совсем не прикрыта от непогоды. У одних были громадные секиры с медными рукоятями, у других -

грубые мечи с зазубренными лезвиями. С оглушительными воплями и диким улюлюканьем орда полуголых каннибалов наступала, и спины их изнывали под ударами цепей и хлыстов.

То были орды Кхорна. Воины Кровавого бога.

И они застали Грозорождённых врасплох. Ни о каких боевых порядках речи даже не шло, церемония только-только подошла к своему концу, и потому все подразделения смешались друг с другом, и воины держались группами по трое-четверо Грозорождённых. Их свиты были рассеяны по всей равнине, и половина уже возвращалась в форт Игнис, успев и помолиться, и дать волю собственным мыслям перед новым алтарём. Никто из них не ожидал такого поворота. Безусловно, не было в Великом Пекле такой страны, которую удалось бы полностью освободить от врагов, но равнины Серного полуострова были давным-давно отвоёваны чемпионами Зигмара. И с тех пор эта земля не знала таких вторжений.

Мачера первой сорвалась с места, большой лук мигом оказался у неё в руках. Одно плавное движение, и первая стрела слетела с тетивы. Полосой яркого света она прошла воздух над головами Молоторуких, оказавшихся между ней и дальним хребтом. Мачера видела, как бешеный кхорнитский здоровяк проревел боевой клич и в тот же миг отлетел назад – стрела сбила его с ног и пронзила насквозь, едва не разорвав пополам. Следующая стрела уже шипела и искрилась в воздухе в поисках новой цели. Хлопок. Струйка дыма от запёкшейся крови и ещё одно тело.

- Где, чёрт возьми, наши разведчики? – крикнула она на бегу. – Эти твари не должны были застать нас врасплох!

Актин бежал рядом с ней, опустив меч к земле. На ходу он отдал несколько приказов соратникам: Тараниты, собравшиеся у алтаря, мигом образовали строй, взыскатели подняли свои щиты и выставили копьё.

- Всё внимание было приковано к церемонии, – сказал он. – Какой воин захочет пропустить такое священнодействие? Наш враг не только свиреп, но ещё и очень хитёр. Они выждали, когда половина войска отправится к форту, и только потом нанесли удар. Что ж, умно. – Он сплюнул. – Очень умно.

- Да их там целая армия. Нас должны были предупредить. Может не сразу, но уж точно раньше!

Актин рассмеялся, его голос зазвучал звонко и беззаботно:

- Дельта – суровое место, рыцарь-обвинитель. Долины, ущелья и высокие перевалы всегда были союзниками наших врагов. Союзниками всех тех, кто хочет пройти незамеченным. Мы сражаемся не только с воинами противника, но и с рельефом самого Акши, запомни раз и навсегда.

На этих словах он ускорил бег и свернул в сторону, чтобы поддержать правый фланг. Мачера выпускала стрелы на ходу, и те буквально сметали варваров, переваливающихся через хребет. Первая волна уже врезалась в ряды Грозорождённых, золотые доспехи потонули в море латуни и крови. Чемпионы Зигмара встречали свою смерть, и копьё молний устремлялись к проклятым небесам. Одни пронзали небосвод и спешили в Азир, другие – тонули в тёмных облаках и рассеивались на части. Громобойцы должны вернуться, Мачера знала это. Но вот облачённым в старые доспехи перековка не светила.

Она слышала, как лорд Синдр отдал лающие приказы, как он бросился в бой, и как стрелы зазвенели о его доспех. Рунический меч он вознёс так высоко над головой, что видеть его могли все без исключения, боевой молот – сжал так крепко, что перчатка должна была треснуть от напряжения. Молоты Зигмара восстановили строй. Потрясение от внезапной атаки отняло у них кратчайшее мгновение, и прямо на глазах у Мачеры военная машина Зигмара пришла в действие.

Отрывистые команды. Звон сигарита. Топот ног, марширующих на отпечатавшиеся в подсознании позиции, словно во время парада. Щиты вскинуты, клинки и молоты в кровавую кашу косят поле кхорнитских воинов. Всюду, где от силы двое-трое воинов оказывались в окружении, словно одинокие золотые колонны посреди кровавого роя, они соединяли щиты и поднимали молоты, сражаясь до самой смерти. Остальные в несравненном темпе прорубали путь сквозь толпу, чтобы воссоединиться с товарищами. В считанные мгновения красная пыль равнины потемнела от пролитой крови, и всё же молнии продолжали взметаться в небеса, расколотые души павших растворялись в темноте.

Сердце Мачеры, словно кузничный молот, рокотало в груди. Она промчалась мимо наступающей шеренги двадцати освободителей, гадая, а не было ли среди них Феранта с испытательного полигона. Сказать было трудно – они шли единым злато-синим строем, выставив перед собой щиты, словно настоящую баррикаду, на которую снова и снова бросались бешеные, опьянённые кровью орды.

Воздух задрожал, земля застонала под ними. Мечи раскололись, доспехи – всмятку, щиты полетели в сторону. Раненые кхорниты были втоптаны в грязь своими же соратниками, без раздумий мчащимися вперёд, другие – откатились в сторону, едва распластавшись на земле. В поисках своего оружия безжалостные, мрачные убийцы копошились в пыли, пока раны их сочились кровью. Некоторые, спотыкаясь, брели вперёд, к золотому строю врага, их глаза были затуманены, а вывернутые кишки волочились по земле. Воины Грозорождённых падали на землю, словно золотые статуи, сваленные разъярённой толпой; убийцы набрасывались на них и пускали в ход ножи, стремительные удары выискивали стыки в доспехах.

Встав на колени, Мачера выстрелила снова, потом ещё раз и ещё, сохраняя необычайное спокойствие. Подобно молниевым осколкам, стрелы прожигали доспехи и плоть, пока воздух не загустел от тошнотворного запаха гари. Она рванула вперёд, вновь опустилась на землю, чтобы сделать несколько выстрелов, и помчалась дальше. Слева от неё пронеслась фаланга взыскателей, их головы были опущены, копья – выставлены вперёд. Навстречу им выскочил чемпион Кхорна, в руках он держал массивную двуручную секиру, а его лоб был утыкан медными гвоздями. Лезвие сверкнуло, и секира обрушилась на щиты Грозорождённых, разбрасывая их в стороны. Чемпион потянулся к ним, словно собирался голыми руками разорвать взыскателей на части. Два копья настигли его: одно пронзило нагрудник, второе – угодило под руку и прошло плечо насквозь. Мачера натянула тетиву и прицелилась. Чемпион был примерно в пятидесяти ярдах от неё, не сложнее любой другой цели. Она выпустила стрелу, и его голова тут же лопнула в воздухе, кровь и мозги выплеснулись на землю.

Оружие Грозорождённых было всяко мощнее, и потому враги нападали группами по пять-шесть человек, нанося скорые удары топорами, клинками и цепями, а затем быстро рассеивались, чтобы перегруппироваться. Большинство, по всей видимости, составляли плотоядные пехотинцы из армии Кровавого бога. Голая грудь, поношенные портки, ошметки побитых доспехов – кровавые налётчики, не иначе. Им не было дела до собственной смерти, но этот натиск, эти удары и мимолётные отступления были в новинку. На пути к хребту Мачера зарядила концом лука в морду одного из каннибалов, свалив того с ног. Затем выхватила меч и вскрыла ему глотку. Кхорнит погрузил пальцы в рану, до самых костяшек, в отчаянной попытке глотнуть немного воздуха.

Впереди показалась женщина – одна из отвратительных жриц Кровавого бога; она спустилась с невысокого хребта и кинулась в толпу, побуждая воинов сражаться с новой силой. Даже над какофонией битвы Мачера слышала её дикий, пронзительный смех, её богохульные молитвы, звучавшие подобно боевому кличу. Серебристый пучок волос засверкал и заплясал у неё на голове, когда она бросилась в бой. Остриё её зазубренного клинка вонзалось в суставы, с поразительной лёгкостью пробивая

зигмаритовые доспехи. Лицо женщины было залито кровью, язык то и дело показывался изо рта, чтобы слизать тёплую жидкость с губ. Где бы ни оказывалась эта жрица, варвары сражались как демоны. В бой они бросались с таким неистовством, словно одной их смерти было достаточно, чтобы доставить ей удовольствие.

Держа в одной руке большой лук, в другой – обнажённый клинок, Мачера прокладывала себе путь сквозь толпу врагов. Один лишился конечности, второй был выпотрошен заживо, третий нарвался на меч, и в глазах каждого плясала агония. Когда смерть должна была настичь третьего бойца, он внезапно блевнул кровью и расхохотался, цепляясь за колючий нагрудник.

– Кхул! – пробубльнул он. Его глаза понемногу тускнели, а лицо было испещрено тремя шрамами, толком не зажившими и такими глубокими, что Мачера видела, как за ними проглядывают его зубы. Он сплюнул кровь, и его лицо расплылось в экстазе. – Кхул идёт! Скарда Красная предрекла твою гибель, отпрыск бури!

Мачера оттолкнула его, и тело варвара сползло с клинка.

Атака сходила на нет, причём так же быстро, как и началась. Грозорождённые заняли свои позиции и построились в боевые порядки: освободители и взыскатели по флангам, в центре – покорители, паладины и уничтожители, готовые к контрудару. Но орды кхорнитов отступали, двигаясь к линии хребта и следуя примеру своей жрицы, которая рубила и кромсала, чтобы выбраться из жерла схватки. Над равниной поднялись облака пыли, которые почти что скрыли их бегство от глаз.

Это была тактика «бей и беги» во всей своей красе, не более. На поле боя они оставили не меньше тысячи тел, но они вовсе не собирались биться до последней капли крови, лишь хотели прощупать позиции Грозорождённых – посмотреть, как они примут такой удар и как будут действовать дальше. Всё это было в новинку. Мачера ни разу не видела, чтобы орды Кхорна сражались подобным образом.

Когда проворные дикари разбежались, преодолев гряду и исчезнув среди опустошённых земель, откуда они и прибыли, Молоты Зигмара внезапно показали ей какой-то глупой и слишком громоздкой силой – фаланги воинов построились как на парад и были готовы выступить против врага, которого и след простыл. Мачера взглянула на мертвеца у своих ног: его лицо было изодрано в клочья, кровь из раны на животе стекала в грязь. Вот так взять и без видимой причины пустить в расход столько воинов – Мачера подавила приступ отвращения, подкативший к горлу.

– Смотрите! – крикнул кто-то. Рыцарь-обвинитель прикрыла глаза ладонью и взглянула в сторону хребта: дневная дымка понемногу сгущалась, и на смену заре пришёл томительный полдень. Она увидела силуэт, замерший на самом краю возвышения, с поднятыми руками и длинным зазубренным ножом, вскинутым над головой. Это была жрица...

– Скарда Красная приветствует вас, воины Зигмара! – возвестила она. В её музыкальном, богатом на оттенки голосе слышалось почти что пьяное упоение происходящим. – Передайте ему! Передайте своему жалкому господину, Ванду Молоторукому, что он уже в пути. Коргос Кхул возвращается! И он искупается в вашей крови!

Она направила нож в сторону пылающих небес. Там, в глубине, словно монета из бурлящего света, кружилась сфера Инферния. Слова женщины рябью прокатились в воздухе, и всё воинство Грозорождённых поразил какой-то электрический разряд. Это был не страх, не ужас, подумала Мачера, а нечто похожее на восторг.

В её воображении голоса Грозорождённых слились в унисон.

«Наконец-то, – прогремели они. – После стольких лет нас ждёт встреча с достойным противником».

– Сними её, рыцарь-обвинитель! – закричал лорд Синдр. Он промчался сквозь полосу кустарников, вскинув клинок и собирая войска. – Мачера, сними её!

Женский силуэт, застывший на хребте, держал клинок высоко-высоко, её серебристые волосы переливались на свету. Внезапно раскатившийся смех прорвал наступившую тишину, которую до этого нарушали лишь стоны умирающих.

Мачера отпрянула назад и выстрелила, всё в один миг. Стрела пронеслась над равниной, высоко над головами её товарищей. Она видела, как эта женщина, назвавшаяся Скардой Красной, наклонила голову в сторону. Жрица снова рассмеялась, когда стрела просвистела мимо – в такой близости, что, должно быть, опалила кожу на её щеке. А затем, с последним взмахом клинка, она скрылась за горизонтом. Хребет опустел. Орды Кхорна растворились за пеленою пустошей.

Коргос Кхул возвращается.

– Что ж, пускай идёт, – усмехнулась Мачера, оглянувшись на статую Ванда Молоторукого, грозную, словно самая настоящая крепость. Как же оказывается легко, подумала она, представить себя на его месте.

Глава 7. Владычество Небесного Чертога

Многие обязанности Бастиана Карталоса – может даже добрая их половина – были ему в тягость, но менее всего ему хотелось иметь дело с политиками Великого Конклава.

Он был лордом-командующим Молотов Зигмара, первым офицером главного буревоинства Бога-Короля, но стоило ему войти в Господскую палату, и он будто бы оказывался на равных с властителями Хаммерхола. Будучи настоящим полубогом, он становился в один ряд с этим сборищем эксцентричных аристократов и алчных купцов, которые и дорогого друга смешают с грязью, если это позволит им подняться на пару дюймов повыше.

Знаменитые и воспетые в легендах дома, семьи акшийских династий, чьи родословные корнями уходили во тьму далёкого прошлого – все они прислали своих лидеров, которые будут отстаивать их личные интересы в совете. На управление великим городом претендовали как жрецы, так и солдаты, как философы, так и маги, однако в глазах Бастиана они выглядели скорее как блюстители бездействия и политического застоя. И хотя некоторые бескорыстные личности всецело посвящали себя служению обществу, фракционная борьба внутри конклава и преследование личных целей были вполне обычным явлением. Члены конклава даже не думали принимать решения касательно проведения новой политики, не просчитав наперёд последствия для своего положения – как репутационного, так и денежного. И потому чиновники, которые в первую очередь беспокоились о процветании Хаммерхола, а не о собственной выгоде, были сущей редкостью в эти дни.

«А иначе быть просто не может», – промелькнула мысль в голове у лорда-командующего, пока он шёл вдоль богатых улочек и проспектов Старого Города, его преторы не отставали ни на шаг. Во главе Доминиона Зигмара должны стоять те самые народы, которые его правление превозносит и оберегает. Иначе вся идея лишится какого бы то ни было смысла. Нескончаемая война, отчаянная оборона, контрнаступления и экспансии – всё это было данностью их новой жизни, и всё же пером воины не

могли владеть так же хорошо, как и мечом. Законы должно сочинять и блюсти вольным народам, а иначе о какой свободной воле может идти речь? Сила, которой обладал Бастиан Карталос, могла посрамить самих богов, но чтобы все их жертвы что-то да значили, им предстояло положиться на тех, кто и клинка то в руках не держал.

Бастиан свернул в сторону и ступил на землю Азирской Вотчины. Улицы здесь были широкими, чистыми и ухоженными под стать особнякам и дворцам местных аристократических семей. От его шагов по мраморной плитке поднимался звонкий гул. Эфирные фонари на высоких золотых столбах тихонько потрескивали на ветру, их мягкое зелёное пламя придавало тошнотворный блеск всему вокруг. Врата Буреразлома высотой с небольшую скалу омывали Бастиана своим небесным сиянием, их поверхность слегка дрожала в вышине, то и дело покрываясь рябью. Великий собор Зигмара стоял прямо у их подножия, но даже он казался крошечным в тени врат, переливающихся обузданной мощью. От самого портала тянулись нити света и тени - эдакая лазурная паутина, которая мерцала и волновалась в воздухе, словно озеро жидкого света, растянутое внутри рунической арки высотой в тысячу футов. Это был путь в Хаммерхол-Гира, цветущий город, расположившийся по ту сторону и поддерживающий акшийскую половину свежими припасами и чистой водой.

На мгновение задержавшись, Бастиан поднял глаза вверх и увидел, как за мерцающей сеткой трепещут зелёные чудеса Гирана. С тяжёлым сердцем он отвернулся от этой красоты и зашагал ко Дворцу Буреразлома, миновал широкий пролёт золотого моста, под которым серебрился ров звёздной воды, и предстал перед аркой. Двери приветственно распахнулись. Солдаты Вандийской Стражи в бело-золотых доспехах вскинули оружие и отдали честь, когда он прошествовал мимо. По обеим сторонам от моста громоздились механические големы; эти часовые сидели с львиным изяществом, сложив крылья и готовые в любой момент выступить на защиту правительственной резиденции Хаммерхола. Зигмариты с громадным уважением относились к лорду-командующему, и потому каждый встречный кланялся ему на пути к золочёной площади, раскинувшейся за мостом. Через золотые арки он проследовал во дворец, затем преодолел несколько травертиновых залов и мраморных коридоров, поднялся по парадной лестнице и, наконец, достиг Господской палаты. Воодушевление его было сравнимо с тем, которое испытывает приговорённый по пути на собственную казнь.

Взмахом руки он приказал преторам оставаться здесь, после чего распахнул двери и вошёл в палату.

Это была кольцевидная аудитория, роскошная и большая. К куполообразному потолку поднималось пять ярусов, на каждом из которых располагались места для членов заседания. Друг от друга они были отделены тончайшими, едва ли не прозрачными стеночками из солнечного камня, доходящими до пояса. В Великий Конклав входило двести сорок четыре советника, половина из которых представляла интересы Акши, а другая половина - Гирана. Владыки Небесного Чертога. Когда Бастиан вошёл внутрь, он почти что ощутил их самодовольство, воцарившееся в воздухе. Сегодня, кажется, лишь четверть Великого Конклава соизволила присутствовать на заседании, и все они беззаботно переговаривались между собой в ожидании начала.

«Да простит меня Зигмар, какое же посредственное сборище», - со вздохом заключил про себя Бастиан.

Очевидно, зреющие угрозы в Великом Пекле не слишком-то их волновали. А может они думали, что лорд-командующий преувеличивает: «Ведь это избранный воин Зигмара, который ничего не ведает кроме войны».

«Что ж, поглядим, - подумал Бастиан. - Поглядим».

На стенах круглого зала были вывешены геральдические щиты основных вольных гильдий, по крайней мере символически представлявшие их интересы. В центре стоял большой стол в форме молота, за которым сидели одиннадцать старших членов Конклава Буреразлома. Двенадцатое место во главе стола – богато украшенный золотой трон – предназначалось для самого Зигмара. Высоко над потолком висел округлый канделябр, выполненный из тусклого серебра и окутанный сверхъестественным корональным свечением; благодаря этим огням все настенные фрески, изображающие сражения и конфликты, выпавшие на долю города, утопали в зеленоватом свете. В центре стола, на ложе из гладкого железного дерева, лежала Великая Булава Хаммерхола – огромное золотое оружие из трижды кованого зигмарита и по совместительству символ города на каждом заседании. Поверхность булавы украшали сверкающие гранаты и рубины; рукоять была обмотана выделанной шкурой мантитракса, принесённого в жертву Зигмару на этом самом месте в те далёкие дни, когда Грозорождённые Первой Ковки предпринимали первые шаги на пути отвоевания владений, а великий город был всего лишь в мыслях первых поселенцев. Ныне же здесь не было никого, кто помнил бы те славные времена – никого, кроме Бастиана. Забыть о том он просто-напросто не мог.

Лорд-командующий замер на месте, и на палату опустилось гробовое молчание. Он прекрасно понимал, насколько внушительным, должно быть, кажется всем этим сановникам, и старался извлечь максимальную пользу из такого впечатления. Его гордую, величавую голову обрамлял высокий зигмаритовый нимб, смуглое лицо, покрытое шрамами, украшала аккуратная белая бородка, глаза цвета пылающей лазури были глубоко посажены. На голове он носил золотистый венец, на левом наплечнике – резную голову грифона. Золото его доспехов сверкало столь ярко, что на вид было практически белым.

Он внимательно оглядел всех Владык Небесного Чертога. Отвесил почтительный полупоклон Севастиану Менчу, мастеру-патриарху города, который рассеянно поглядывал на коллег, хмурясь и поглаживая бороду; затем кивнул леди Надиан Зелёный Шип, матриарху-гиранис, и Элетре Винкс, всевышнему понтифику, которая контролировала зигмаритскую церковь города; с уважением посмотрел на Катрику ле Гильон, первого командира вооружёнными силами Хаммерхола, и на Дробьорна Айронсена, дуардинского артиллериста, который давал советы касательно городской обороны. Зейн Делорий, старший шпион Хаммерхола, слегка постукивал кончиком пальца по золочёной половине своей маски, сверкающие за ней глаза ничего не упускали из виду. Эвандель де Рион, первая из верховных ремесленников города, проскользнула в палату с шелестом дорогого шёлка и, заняв своё место, изящно кивнула мастеру-патриарху. Лорд-винодел, герцог Лоркай ван Даррак, сдвинул с места своё внушительное тело и, явно рассчитывая на то, что никто не заметит, отправил в рот конфету, выуженную из золотистой коробочки. Озруа, глава Гильдии Меркадоров, держалась строго официально; в детстве она немало настрадалась от злодеяний Кхорна, и Бастиан знал, что она поддержит его, если хоть слово услышит о Кровавом боге. В Долговязой Дрокси он был тоже уверен – девушка откинулась на спинку кресла, сложив руки на груди и с презрением поглядывая на собравшихся стариков; эксцентричная альвийская воительница за каждой неудачей видела происки Хаоса и могла оказаться ценным союзником. Когда Бастиан зашагал через залу под взглядами Великого Конклава, с другой стороны показался Авентис Пламенный Удар, магистр Хаммерхола. Он всё ещё был в шлеме, а его доспехи в великолепии и скульптурном изяществе почти не уступали доспехам самого Бастиана.

Однако наибольшую долю своего внимания лорд-командующий уделил совсем иной фигуре – тому, кто всё чаще и чаще давал о себе знать на собраниях «лучших» представителей города. Речь шла о лорде Хоэнштале, члене Великого Конклава, чьи богатства и силы гарантировали ему влияние, всяко превосходящее его истинное положение. В сущности, он был единственным членом Конклава, который мог встретить взгляд Бастиана, не выказав и намёка на испуг.

Сидя в конце стола, в двадцати футах от Бастиана, он небрежно барабанил пальцами по полированному бурекамню. Роста он был невысокого, выглядел опрятно, а одет был в облегающий пунцовый сюртук из дорогого гиранского шёлка. Его тёмные волосы ниспадали на лоб аккуратной волной, которую он постоянно поправлял одним и тем же небрежным жестом. Его борода была аккуратно подстрижена и смазана маслом, сильнейший аромат от которого долетал даже до Бастиана.

Когда лорд-командующий взглянул на него, Хоэншталь обнажил свои мелкие, жемчужного цвета зубы, расплывшись в совершенно невесёлой ухмылке. Он до сих пор не вступил в Конклав Буреразлома и не имел никаких титулов кроме фамилии, однако авторитет среди этих чиновников он снискал с той же лёгкостью, с которой прикладывал к носу шёлковый платок. Ходили слухи, что он как-то замешан в убийствах, заговорах, взятках и... чём-то там ещё, но истина пока что ускользала от внимания Бастиана. Ясно было одно: Хоэншталь – человек опасный, и доверять ему уж точно не стоит.

- Лорд-командующий, – протянул Хоэншталь, – прошу вас, начинайте. Ваших заявлений мы ждём с нетерпением.

- Никаких заявлений не будет, – сказал Бастиан. – Только правда о положении наших дел.

Он опустился на отведённый ему трон за другим концом стола. Авентис сел напротив, так, что Хоэншталь оказался прямо между ними: не более чем двадцать футов с обеих сторон отделяли его от двух самых могущественных жителей этого города. Но даже если это встревожило смертного, виду он не подал.

- Говорите. Уверен, все мы буквально сгораем от нетерпения, – сказал Хоэншталь, снова улыбнувшись. И гиранские, и акшийские члены Конклава, расположившиеся на верхних галереях, тут же зашептались между собой.

- Говорите, лорд-командующий, – подхватил Севастиан Менч, поведя рукой в его сторону. – Прошу. Мы, как, впрочем, и всегда, будем только рады приобщиться к толике вашей мудрости.

И Бастиан поведал им о нападении у форта Игнис, о том, как во время церемонии посвящения ватага кхорнитов вихрем обрушилась на его воинов, а затем с той же скоростью растворилась в пустоши. Он рассказал им о телах, которые несли на себе метки не только Волны Кровопролития, но и других разрозненных племён Акши, а также о том, что все они враждовали испокон веков и сообща работали совсем уж нечасто.

- Раз уж они решились на такое бесчинство, храбрости им не занимать, – воскликнула Озруа, хлопнув кулаком по столу.

- По мне так обычное стечение обстоятельств, – предположил Хоэншталь. – Вы что же, дикарей не знаете? Только бросится на глаза что-нибудь упорядоченное, так у них сразу руки чешутся всё это с землёй сравнять.

- Ваши силы без особого труда одолели противника, так ведь? – спросила Долговязая Дрокси. Альвийская воительница наклонилась вперёд, опустив изящные руки на бурекаменный стол. Её зелёная мантия всколыхнулась в свете парящих эфирных фонарей, словно недвижимая гладь воды, на миг взволнованная лесным ветерком. – Насколько я понимаю, форт располагал едва ли не полными силами двух палат?

- Там были подразделения Молоторуких и Громовых Стрел, – признал Бастиан, – но отнюдь не в полном составе. Силы Молотов Зигмара разбросаны по всем владениям, а не только в пределах Акши.

- Но форт Игнис стоит, - улыбнулся Хоэншталь. - С чего бы Хаммерхолу беспокоиться о разношёрстной ватаге этих варваров? Думается мне, лорд-командующий, что всё дело в уязвлённой гордости. - На этих словах он рассмеялся и погрозил пальцем, словно родитель, читающий наставления непослушному дитя. - Ведь это вас перехитрили эти грязные каннибалы, да ещё в таком священном месте.

Бастиан почувствовал, как в крови у него затрещали молнии. Будь проклят этот смертный за такую дерзость.

- Может быть и так, - усмехнулся герцог Лоркай ван Даррак, - но будьте так любезны, постарайтесь не прерывать лорда-командующего. Буду вам крайне признателен. - Он смерил Хоэншталя истинно ядовитым взглядом. Герцог и восходящий лорд открыто недолюбливали друг друга: по слухам, некие хитроумные вложения Хоэншталя сказались не лучшим образом на коммерческих интересах ван Даррака. - Хотя я прекрасно понимаю, что наши традиции вам пока что чужды, лорд Хоэншталь.

- Это не всё, - сказал Бастиан. Ему поведали о тех словах, которые прокричала женщина, именуемая себя Скардой Красной, и стоило ему услышать их, как в животе вспыхнуло холодное пламя.

Коргос Кхул возвращается...

- Походы стабильно исчезают в пустошах, - продолжал Бастиан. - Мои разведчики из авангардных палат добыли сведения из так называемой Лощины Гаргантов, хотя живыми домой вернулись не все. Мёртвая земля, о которой они мне поведали, раскинулась на западе, и населяют её лишь кочевые племена Опалённых. Однако и там поработители и убийцы оставили свой след: опустевшие, заброшенные лагеря на месте процветающих поселений и тела, изуродованные жесточайшим образом.

- Рассветоносные походы вечно оказываются в гуще событий, - сказала ле Гильон. - Наверняка здесь нет ничего необычного.

- Более десятка металитов были обнаружены парящими в пустошах с отстёгнутыми цепями, - возразил Бастиан. - Металиты служат сердцем любого похода, а эти были просто-напросто брошены. Поймав эфирные потоки владения, все они благополучно сбились в одном месте, но кто-то успел растащить всё ценное, - на этих словах он перевёл взгляд на Дробьорна Айронсена, - и до меня дошли слухи, что руку к этому приложили харадронцы. Уверен, мне не нужно обращаться с официальной просьбой немедленно вернуть в город все реликвии и припасы.

Поседелый дуардинский артиллерист тут же недовольно заворчал в бороду. Он терпеть не мог выслушивать упреки за своих харадронских сородичей. Бастиан почувствовал, как и внутри него возгорается ярость, но приложил все усилия, чтобы обуздать её.

Он взглянул на Авентиса, сидящего по другую сторону стола. Магистр едва заметно покачал головой. «Здесь его не вспоминай, - будто бы сказал Пламенный Удар. - Пока не стоит. Они не поймут. Это наше дело».

Бастиан кивнул.

- В глуши, совсем недалеко от Лощины Гаргантов, зреет угроза. Я пришёл сюда, - сказал он, - чтобы представить вам эти сведения и сообщить о своём решении. Если мы убедимся в том, что племена объединяются на благо общей цели, что кхорнитские ватаги собираются вместе, тогда основные силы Молотов Зигмара отправятся на запад. Мы вынудим их сделать свой шаг, мы встретим их лицом к лицу, и мы уничтожим их, пока варвары не стали угрозой куда большего масштаба.

Лорд Хоэншталь прочистил горло и наклонился вперёд, поправив свои блестящие чёрные волосы.

- В таком случае мне придётся настоять, - сказал он, - и я уверен, первый командир меня в этом поддержит, - чтобы вооружённые силы вольных гильдий приняли участие в готовящейся операции. Хаммерхол-Акша будет представлен своими же солдатами. Да и если вы считаете, что городу угрожает существенная опасность, то...

Взгляд Хоэнштала пронзил первого командира насквозь. Катрика ле Гильон сжала кулаки, но всё же медленно кивнула. Бастиан знал, что, по слухам, Хоэншталь вливает в вольные гильдии огромные суммы денег, чтобы ускорить перевооружение городских полков. Прислушивались к нему отчасти лишь потому, что всякое мнение лорд подкреплял весом своего кошелька и тем, как охотно он его открывал в стремлении заполучить желаемое. И всё же вопрос оставался вопросом - чего на самом деле хотел Хоэншталь?

- Это необходимо, - подтвердила ле Гильон, - но сейчас, вынуждена признать, у нас мало полков в полном составе. Большинство вольных гильдий всё ещё восстанавливается после Бат'эльканской кампании. С её окончания и трёх месяцев не прошло.

- Могу ли я сделать предложение? - спросил лорд Хоэншталь. На его лице появилось неуверенное выражение, которое - Бастиан даже не сомневался - было притворным. - Как вы знаете, я поддерживаю всесторонние деловые отношения с вольной гильдией Золотых Львов. Уверен, мне удастся переговорить с друзьями - дёрнуть за ниточки, коли будет угодно.

- Замечательно, - сказал Бастиан, отпустив Хоэнштала взмахом руки. - Если решение принято, то выберите один из своих полков и проследите, чтобы солдаты были готовы. В вашем распоряжении один цикл первой луны. Когда же Таквия поднимется вновь, мы отправимся в поход.

В холодной ярости Бастиан вышел из Дворца Буреразлома и зашагал по улицам Старого Города. Авентис Пламенный Удар не отставал, длинный красный плюмаж его шлема струился за спиной, а плащ развевался на ветру, разгоняя хлопья падающего пепла. Магистр пребывал в раздумьях, и Бастиан готов был поклясться, что чувствовал это на всём пути до Перспикария. Магистр разделял его эмоции, но гнев этот был под стать огненному рву, огибавшему Центр Буреразлома, словно тёмный и горячий уголёк, тлеющий в груди.

- Хоэншталь - словно гнойник, который так и тянет поскорее выдавить, - проворчал Пламенный Удар. - Торгаш и выскочка, который за всю жизнь ни разу не почувствовал тяжесть клинка в руке и не защищался ничем, кроме собственного кошелька. То, что такой человек принимает участие в заседаниях Конклава Буреразлома, - настоящий позор. Ле Гильон - хоть и первый командир города, но это заставляет меня усомниться в её решениях. Я всё больше думаю о чистке... - пробормотал он. - Владыки Небесного Чертога мигом поумерят свой пыл.

- Нам чужда истовость Рыцарей Превосходства, - сказал Бастиан. - И это не плохо. Я не допущу никаких чисток, политических арестов и казней. Мы образчики духовного целомудрия, и наш долг - вдохновлять. Страх не наш инструмент.

Авентис что-то пробормотал в знак согласия, но Бастиана всё никак не покидало ощущение, что

Магистр был бы только рад пойти по пути страха. Так было проще, без всякого преувеличения, чем следовать долгу и отстаивать целомудрие.

По пути в грозовую крепость Бастиан передал несколько распоряжений своим преторам. На сегодняшний день Акши был его главной заботой, но палаты Молотов Зигмара были разбросаны по всем владениям, и потому сразу тысяча тактических решений боролась за приоритет в его сознании: перейти в контрнаступление на горный оплот хамонских Железнодорожников, наметить грандиозные планы, призванные подчинить целые континенты в Гуре и Улгу. Где бы ни находились его армии, ни одна деталь не ускользала от него. И всё же по мере того, как Грозорождённые воины шли вдоль шумных аллей Азирской Вотчины, мысли Бастиана снова и снова обращались к тем землям, которые окружали форт Игнис.

Коргос Кхул возвращается...

Это были слова, произнесённые какой-то жрицей бойни. Хвалебный вопль оборванки, слишком молодой, чтобы помнить тот день, когда Кхул превратился в легенду. *Передайте Ванду Молоторукому...*

- Все твои мысли о нём, - тихо сказал Авентис. - Я чувствую это, лорд-командующий. И всё же считаю разумным временно не посвящать конклав в то, что ты узнал. До тех пор, пока мы сами не будем уверены.

- И что же я узнал, Пламенный Удар? Имя Кхула - это слово, прогремевшее в глуши, только и всего. Никто не знает, где он сейчас. Незачем волновать всех тех, кто разглядит в нём тёмное предзнаменование или, не дай Бог-Король, начнёт пугать детишек перед сном, словно речь о каком-нибудь сприггане или домовом. Если что-то и стоит за этим именем, мы сами докопаемся до истины.

Он взглянул на бурлящий вдалеке небосвод. Проклятые небеса распространились на все владения: от Хамона до Акши, от Гура до Гирана, - и прямо среди них, там, в вышине, полыхало злое око сферы Инферниа, третьей и совершенно нежеланной луны Акши. Много-много лет назад Кхул украл эту луну. Повинуясь страшному приказу Всеизбранного, он отправился туда, отобрал её у князей демонов, обретавшихся на ней, а потом... Что было потом? Магия серафонов, этих непостижимых хозяев неведомого, с такой силой исказила время и саму реальность, что вскорости никто уже не мог точно сказать, что именно предпринял Кхул. Может, он всё ещё там? Может, прямо сейчас чемпион Кхорна взирает на них свысока в ожидании своего часа, чтобы наконец вернуться?

- Коргос Кхул возвращается... - пробормотал Бастиан.

- Мы проследим, чтобы ему устроили тёплый приём, - проворчал Пламенный Удар.

- Увы, - вздохнул Бастиан, - но это налагает некоторые обязательства, исполнение которых я откладывал очень долго.

- Мудрые решения редко даются легко, мой лорд.

Они ступили на мост, соединяющий Центр и Ониксовый берег, чтобы затем обогнуть Теснину и, наконец, подойти к Перспикарию. Мост широкой дугой протянулся над рвом кипящей магмы, огибающим Центр. По обе стороны от него к небесам тянулись высокие спиральные колонны, каждую из которых венчали вращающиеся концентрические круги машин забвения. Воздух трещал и гудел вокруг, пока их эфирная энергия перенаправляла нестерпимый жар магматических каналов в дымные облака над городом. Впереди угрюмыми рядами тянулась Теснина - десятки лиг обветшавших доходных домов и разрушающихся лачуг. А вдалеке, едва различимая на фоне городского смога, возвышалась башня

Пепельной Кору, окружённая районом Пиромантов.

Хаммерхол. Он был поистине огромным местом. Даже Бастиан Карталос не мог охватить его своим сознанием, настолько незнакомым и бесконечным казался ему город, приютивший миллионы жителей: горожан и беженцев, отпрысков древних семей и начинающих торговцев, солдат и волшебников, святош и головорезов. А может Великий Конклав прав? Может он, Бастиан Карталос, и вправду слишком остро реагирует на, по всей видимости, случайный набег кхорнитских убийц? Воинов, которые так помешались на крови и насилии, что даже в теории не могли преследовать масштабную стратегическую цель? Да разве это угроза для всего этого величия?

Нет, не таков был путь Молотов Зигмара. Они не ждут, когда война сама придёт к ним. Как только они слышат барабанный бой, они тут же выступают, чтобы унять его зов. Другого выбора у них не было.

На дальнем конце моста навтыжку стояла группа первых блюстителей, получивших приказ ждать возвращения своего лорда-командующего. Поравнявшись с ними, Бастиан отдал распоряжение подготовить свои подразделения и немедля выступить в пустошь. Цель - собрать как можно больше сведений. Он не хотел, чтобы его воины шли на бой вслепую.

- Что с Молоторуками? - спросил Авентис.

- Останутся в форте Игнис, - ответил Бастиан. - Они вернут Пламенные врата Азиру. Основную экспедицию возглавят Громовые Стрелы с тем полком вольной гильдии, который выделит им конклав.

Блюстители скрылись за пеленой смога, чтобы подготовить вспомогательные отряды авангардных палат.

- И Тараниты, - добавил Бастиан. - О них я забывать не должен. Но что делать с палатой, чьи силы почти что исчерпаны? Большинство старших офицеров мертвы: кто-то бесследно исчез среди проклятых небес, кто-то прямо сейчас выносит агонию перековки.

- Разумным тактическим решением было бы распустить их, - предположил Авентис. - Раскидать оставшихся между палатами.

Бастиан поморщился.

- Кровь Зигмара, твоё сердце всегда было холодно, Пламенный Удар. Твой гнев горяч, но твои чувства ледяной воде под стать. Нет уж, если это закат палаты Таранитов, то пускай они в последний раз сразятся как Тараниты. Они достойны такой чести. Пускай присоединятся к Громовым Стрелам под командованием лорда Синдра. А что будет потом... поглядим.

Он отпустил преторов, чтобы те исполнили его поручения. Бастиан и Авентис остались одни, стоя на мосту и взирая на задыхающийся город. Два величайших воина Хаммерхола. Всего лишь две души из миллионов.

- Нас мало, Магистр, - мрачно сказал Бастиан. - Меньше, чем многие себе воображают. Весь Акши замер на краю пропасти. Падение Анвилгарда под натиском вероломных легионов Морати стало тяжёлым ударом.

- Но в конечном счёте мы всегда добиваемся успеха, лорд-командующий. Всегда.

- В тебе нет ни капли сомнения? С каждым днём всё больше наших воинов гибнет, без единого шанса на возвращение. На смену годам приходят десятилетия, а наши палаты всё также тают у нас на глазах.

- И всё же враги наши вновь падут перед нами, как колосья перед острой косой, - прорычал Пламенный Удар. - Какой бы мрачной ни была очередная битва, я верю, что мы выйдем победителями. Мы должны.

- И я верю в это, - сказал лорд-командующий. - Несмотря ни на что, я не подвергаю сомнению мужество наших воинов. Пускай в живых останется всего один из нас, но я знаю, что мы победим. Иначе быть просто не может.

- Первыми выкованные, мой лорд...

Бастиан улыбнулся. Ему не было нужды заканчивать фразу.

Глава 8. Пропащие души

Священный Отлив - так называлась вечерняя церемония, во время которой они поминали унёсшихся праведников. Актин мог по пальцам одной руки пересчитать, сколько раз он проводил эту службу в дни, предшествовавшие проклятым небесам. Сейчас же он окончательно сбился со счёта.

Первокованные были скромны в выражении своей веры. Из всех буревоинств, которые Бог-Король низверг на Владения Смертных, Молоты были, пожалуй, ближе всего к своему создателю. Их вторжение на равнины Акши послужило предваряющим залпом, за которым грянул шквальный огонь Зигмара, однако они не довели дарованную им привилегию до угоднической, даже раболепной преданности. Актин находил немалое утешение в простоте их поклонения. «Наша вера - это скромный каменный зал, нежели вычурный собор, - думал он. - Это честная молитва, произнесённая прямыми и правдивыми словами. Это два воина, которые смотрят в глаза, зная, что друг за друга они будут биться до самой смерти».

Он взглянул на собравшихся перед ним Грозорождённых. Из палаты Таранитов присутствовало два десятка, все они пришли отдать дань уважения товарищам, унёсшимся с поля боя. С той битвы, что развернулась недалеко от форта Игнис, минуло несколько недель. Они оплакивали погибших, но в то же время радовались их скорому возвращению, ожидание которого было торжеством надежды над горьким опытом. Многие погибли, но многим ещё только предстояло пройти через огни перековки, чтобы вернуться к соратникам. Небеса забирали тех, кто принял мученическую смерть на войне, и не всегда возвращали их обратно.

«Это неважно, - повторял себе Актин. - Скорбь отягчает наш долг, ставит перед нами ещё более тяжёлые задачи, а мы лучше всего справляемся с невозможным, разве не так?»

- Братья, - произнёс он вслух. - Пускай вознесётся ваш дух, и возблагодарите вы тех, кто отдал свою жизнь. Пускай они услышат наши слова и вновь осчастливят нас своим присутствием.

Грозорождённые воины собрались в небольшой палате, вдали от центральной залы грозовой крепости. В Перспикарии было много подобных палат и ризниц - местечек, устроенных в стороне от военно-административных центров крепости, где воины могли отдохнуть в созерцательной тиши и побыть наедине со своими душами. Присущий буревоинству прагматизм распространялся и на эти места: они были такими же непритязательными, как оружейные и кладовые. Актину нравилось представлять, как некий лорд-ординатор планировал всё это, с непоколебимым усердием продумывая каждый элемент будущей крепости. Никаких изысков, никакой вычурности - только то, что было необходимо.

«А ведь эти уголки нужны нам ничуть не меньше оружейных палат и тренировочных полигонов, особенно сейчас».

Впрочем, и воодушевлению было подспорье. Его глаза встретились с покрытым маской лицом Яллисин, воительницы из свит взыскателей, которая сидела в первом ряду и смотрела в ответ. Она погибла в Эксельсисе, сгинула среди орд бездумных мертвецов, когда некромант Бриомид попытался завладеть Копьём Маллуса. Громобойный доспех не позволил ей раствориться в проклятых небесах, и вот она снова здесь – изменённая несовершенной перековкой, более отстранённая, чем когда-либо, быть может, даже лишённая частички своего «я», но вновь вернувшаяся и готовая вступить в ряды родной палаты.

А как же старшие соратники, Лета и Кадм? Почему они не вернулись? Какие изъяны в их душах до сих пор не отпускали их с Наковальни? И если всё это время они были внутри его товарищей, то почему он, их рыцарь-реликтор, всюду и везде их сопровождавший, совсем того не замечал? Ведь это его призвание – знать о таких вещах, служить точильным камнем, на котором другие могли бы закалять свой дух. Но как бы он ни старался, эти души оставались всё такими же затуплёнными.

– Хвала Зигмару, – говорил он, – обрушившему нас на собственных врагов. В войнах его мы послужим ему оружием, чтобы однажды во владениях воцарился мир.

Даже во время молитвы мысли Актина блуждали далеко. Воспоминания о Лете, рыцаре-обвинителе, вернули его к Мачере Звезде Зари, наделённой такой же пылкостью и энергией. Непринуждённая жестокость её оскорблений изумила его, лишила дара речи, оставив наедине с закипающей внутри яростью. Если бы не внезапная атака кхорнитской ватаги, ей бы не поздоровилось – в этом он был уверен.

По пути в Хаммерхол он размышлял о том, чтобы ещё раз поговорить с ней – то ли потребовать извинений, то ли принести свои собственные, он не мог сказать точно. Но в конце концов он отказался от этой затеи. После нападения между палатами вспыхнули противоречия. Загноившиеся раны, вроде той дуэли между Мачерой и Ферантом, вскрылись с новой силой. Одни обвиняли Молоторуких в том, что они действовали медленно, ведь именно они оказались на флангах и приняли на себя основную тяжесть удара. Другие порицали Венценосцев, которые держали форт Игнис и чьи авангардные разведчики оказались слепы к нападению врага. Но и того, что варвары повели себя хитроумно, отрицать было нельзя. Они дождались, когда всё внимание Молотов Зигмара будет поглощено священной церемонией, и явили истинно образцовое наступление. При этом они не рискнули ввязываться в бой на истощение, победа в котором была невозможна. Дикари нанесли удар и тут же скрылись в пустошах, с которыми будто сговорились. Несмотря на огромные потери, они достигли своей цели, и это приводило в ярость. Лишь отрывистые команды лорда Синдра не позволили разъярённым палатам пуститься в погоню.

На всём пути до города палаты чувствовали давление своего поражения. Как только представилась возможность, свиты взялись за неустанные тренировки, коря себя за неудачу. Все ждали решения лорда-командующего и потому ни секунды не было потеряно на что-то кроме подготовки. С ними лихорадило, кажется, и весь Хаммерхол, и, силясь развеять недоброе предчувствие, все ждали, когда легионы отправятся на войну.

«Мы должны оставаться верными самим себе, – подумал Актин, завершая церемонию. – Сдержанными, трезвыми и терпеливыми. Когда же мы дождёмся подходящего момента, наш удар будет полон ярости».

Он поднял глаза к потолку палаты. Как один, его братья и сёстры встали и вскинули головы, словно могли видеть за пределы скромного каменного потолка – небесную твердь на дальнем краю владения, Азир и резиденцию самого Зигмара.

– Укажи нам путь, владыка Зигмар, – сказал он, и остальные повторили его слова. – Укажи нам, куда

нанести удар во имя твоё.

«Укажи нам путь. Твой слуга умоляет тебя».

Когда церемония подошла к концу и палата освободилась, к Актину приблизился взыскатель из стражи Перспикария. Он окликнул рыцаря-реликтора и снял шлем. На лице его застыло недоумённое выражение.

- К вам посетитель, рыцарь-реликтор, - сказал он. - У ворот грозовой крепости.

- Посетитель? - спросил Актин. - Кто?

Взыскатель приподнял одну бровь.

- Он не назвал себя, но сказал, что это важно. - Грозорождённый нахмурился. - Я напомнил ему, что Перспикарий - это не какой-то кабак и не постоялый двор, и что не подобает смертным вызывать нас по собственному желанию, но... - Он покачал головой. - Он был очень настойчив.

- Он смертный?

Актин погрузился в свои мысли, но так и не вспомнил никого из смертных, кто был бы ему знаком в этом городе.

- Да, - подтвердил взыскатель. - Верительную грамоту он не предоставил, но на вид ясно и так: он из Ордена Азира. Я велел ему проваливать, но он назвал вас по имени. Подумал, об этом стоит упомянуть.

Актин кивнул. Он поднял шлем с алтаря и водрузил на голову.

- Раз уж орден призывает, то кто я такой, чтобы слушаться?

К внушительным главным дверям Перспикария вела золотая лестница, каждая ступенька - более ста футов от края до края. У её основания, по обе стороны, стояли две высокие колонны из зигмарита, увенчанные полыхающими жаровнями, - вечные огни, добытые из опустошённой земли Пламенной дельты в память о первом ударе. На великий город опускалась ночь, и именно в тени, отбрасываемой этим пламенем, ждал безымянный смертный.

Было очевидно, что он принадлежал к охотникам на ведьм. Кто ещё носит потёртый кожаный пыльник да широкополую шляпу на голове, так искусно прячась во тьме? Когда Актин приблизился, агент слегка потянул за край шляпы в лаконичном приветствии. Он был высок, его левый глаз пересекал старый шрам, в волосах виднелась седина, а борода отливала белизной. Говорил он так, словно совсем не хотел быть подслушанным:

- Рыцарь-реликтор.

- Добро пожаловать в грозовую крепость, - сказал ему Актин. - Уверен, мои покои подойдут для места встречи. Конечно, если слоняться по уличным углам не входит в ваши предпочтения.

Охотник на ведьм натянуто улынулся.

- Предпочту открытый воздух, - сказал он. - Стены не подслушают.

- Это Перспикарий, - сказал Актин, бросив скептический взгляд. - Центральная грозовая крепость Молотов Зигмара, главной армии Бога-Короля. Это не какой-то... - Как там выразился взыскатель? - Не какой-то кабак и не постоянный двор.

- И всё же между ними я бы скорее выбрал кабак, - сказал охотник на ведьм, потирая свой подбородок. - Там хотя бы выпивка имеется.

Актин почувствовал, что его терпение иссякает.

- Так говори. Что привело тебя к нашим дверям?

- Звать меня - Веррик Альбус, - сказал смертный. - Ваша репутация бежит впереди вас, рыцарь-реликтор. Слышал я, что из всех соратников вы проявляете особый интерес к нашим делам... - Он усмехнулся. - Делах простолюдинов.

- Может и так, - ответил Актин. - Правда в том, что я не чувствую себя оторванным от простого люда владений, как, быть может, некоторые из нас.

Он старался не думать о тех месяцах, которые провёл в грозовой крепости после прибытия в Хаммерхол, редко покидая её стены и ни капли самого себя не посвящая улицам города и его разнообразным жителям. Если когда-то это и было правдой, то уж точно не теперь. К началу восстания нежити он уже довольно хорошо знал граждан Эксельсиса, и отчасти это только усиливало его боль от страшных воспоминаний.

- Какое отношение это имеет к твоим делам? - продолжил он.

Веррик с недоверием посмотрел на город, раскинувшийся за широким передним двором грозовой крепости. Его спутанные улочки были сущим рассадником для преступлений и заговоров, достойных внимания ордена. Охотники на ведьм были опасными людьми, Актин знал это. Они имели дело с ужасами разного рода, балансируя на грани моральных дилемм, о которых он мог только догадываться.

- Я занимаюсь расследованием случаев дезертирства из полков вольных гильдий, - сказал охотник на ведьм, его голос заскрежетал подобно гравию под ногой. - Один полк интересуется меня в особенности - 43-й Золотых Львов, «Медные Пряжки». И речь не только о мятеже. - Он сплюнул на камни. - У меня есть подозрение на более основательные злоупотребления. С гнильцой это подразделение.

- Тогда тебе следует обратиться к его командиру, - сказал ему Актин. - Потребуй, чтобы они уладили то, на что, по всей видимости, закрывали глаза.

Веррик горько усмехнулся.

- Проблема как раз в командире. Это полковник Петра Зарджак. Послужной список у неё весьма любопытный. Прошла нелёгкий путь из рядовых. Худородная, детство провела в Работяжнях, замешана в мелких преступлениях - нужды бедности, ничего серьёзного. Потом попадает в 92-й, «Пустынники», какой-то непримечательный полк, который уже давненько расформирован. Не проходит много времени, как она становится младшим лейтенантом и получает собственную роту. Переходит в «Медные Пряжки», становится их капитаном. Не успеваешь моргнуть, а она уже майор. И, наконец, полковник. - Он смерил рыцаря-реликтора циничным взглядом. - Понимаете, к чему я веду?

Актин, вероятно, заразившийся подозрительностью охотника, оглянулся через плечо.

- Она не заслужила своего повышения, это ты хочешь сказать? Я всё ещё не понимаю, каким боком это касается меня. Может я и был предан простым людям...

Рыцарь-реликтор был выше охотника на ведьм не менее чем на фут, его боевые доспехи переливались небесным светом, меч был вложен в ножны и висел на бедре, а льдисто-голубые глаза сверкали под стать бриллиантам за прорезями шлема. Большинство смертных дрогнуло бы в его присутствии, но охотник на ведьм остался невозмутим.

- Я полагаю, она пробилась наверх с помощью взяток. Само по себе меня это не очень-то волнует. Но слухи ходят мрачные, и это мягко говоря. Заказные убийства, шантаж, запугивание, даже организованная преступность. Прямо сейчас три её офицера сидят в тюрьме по сфабрикованным обвинениям. И это полностью ваше дело, - добавил охотник, - поскольку я подозреваю, что 43-й отрядят вам в сопровождение на пути в пустоши. - Он пронизательно посмотрел на маску Актина. - Или вы не слышали?

Актин пытался подобрать нужные слова, но не смог их найти.

- В голове не укладывается, как ты, охотник на ведьм, можешь быть посвящён в оперативные секреты Молотов Зигмара.

- Не волнуйтесь, - довольно произнёс Веррик. - Такие секреты не хранятся под замками долго, да и у меня есть свои методы. Суть в том, что я не могу тронуть Зарджак - пока не могу. У меня нет необходимых доказательств её непосредственной причастности. Конечно, - пожал он плечами, - я располагаю полномочиями убрать её и без всей этой мороки, но что-то мне подсказывает, что корнями её связи уходят в сердце города. Быть может, для меня она пока недосягаема. Но уж точно не для вас.

Актин выпрямился.

- Надеюсь, ты говоришь не о том, о чём я сейчас подумал, Веррик Альбус. Я - рыцарь-реликтор палаты Таранитов, страж реликвий Зигмарона, а не какой-нибудь закулисный головорез.

- Ничего столь драматичного, - усмехнулся Веррик. - Но 43-й полк не блещет выдающимися качествами, а вот весьма посредственными наделён сполна. Трудно себе представить, чтобы его выбрали для сопровождения Молотов Зигмара во время похода - конечно, если кто-то не дёргает за ниточки. Я хочу, чтобы вы...

Он едва слышно усмехнулся и покачал головой.

- Приношу свои извинения, рыцарь-реликтор. Я смиренно прошу вас провести личную тактическую оценку «Медных Пряжек» и сообщить своим командирам о том, что обнаружите. Лорд Синдр Бестрепетный располагает правом отказать им, и когда он это сделает, мы поглядим, кто и что предпримет в ответ. Возможно, это даст мне необходимый шанс, так сказать, встряхнёт их хорошенько, и тогда у меня получится выявить некоторые закономерности. Раздобуду доказательства, и Зарджак мигом окажется на виселице, готов поклясться.

Актин улыбнулся за лицевой пластиной своего шлема. Вот оно, во плоти - упорство и безжалостность людей. Ему этого определённно не хватало.

- И всё это ради одного продажного офицера, мелкой воровки?

- Нет, - проворчал охотник на ведьм. - Всё это ради безопасности города. Ради Хаммерхола.

Глава 9. Деловые связи

В гостинице «Кровавый камень» она сняла отдельную квартиру, причём в весьма показной манере, стараясь при этом не удариться в крайность. Полковник Петра Зарджак была чёрствой женщиной, но, если все любопытствующие будут осведомлены о её местонахождении в течение двух следующих дней, ей это будет только на руку. «Неотгулянный отпуск, – дала она всем понять. – Два дня отдыха на южной стороне Хаммерхола, а затем – вновь тяжёлая работа и неустанное руководство над 43-м».

Квартира была простенькой, при этом стоила дороже, чем Зарджак хотела бы отдать за неё, но иногда, чтобы получить желаемое, всё же приходилось раскошелиться. Запылённые полы в гостиной были выложены половицами из гиранского зольного дерева, а большие эркеры выходили на глухие переулки Палёных Холмов – настоящий лабиринт тесных улочек и двориков, таверн и притонов, наводнённых актёрами, попрошайками и куртизанками.

Зарджак сидела у камина и из кубка с колотым льдом потягивала местную настойку, искровуху. Лампы не горели, и единственный свет в комнате исходил от очага. Она разглядывала пламя, надеясь забыться в его янтарном трепете и не гадать – в который уже раз, – где, чёрт возьми, Колмик и почему он так опаздывает. Она снова отпила из кубка. Прохладная жидкость успокоила огонь в её сердце. У неё совсем не получалось унять нервную дрожь в ноге, а от того, чтобы вновь посмотреть на часы, полковник едва сдерживалась. В конце концов, желание пересилило. Она выудила цепочку из бокового кармана своей кожаной курточки и откинула латунную крышку.

«Уже почти полночь, мать её. Где, во имя Зигмара...»

Мысль прервал осторожный стук. Зарджак выплеснула содержимое кубка в камин и направилась к двери, положив руку на рукоять ножа.

– Да?

– Это я, полковник, – раздался приглушённый голос Колмика.

Она щёлкнула засовом, приоткрыла дверь всего на дюйм и увидела холёное лицо, глядящее в ответ. Поверх формы Колмика было накинуто серенькое шерстяное пальто, на его плече висел вещевого мешок. Если не считать вымазанных бриолином волос и холодного расчёта в глазах, он мог бы сойти за дезертира из любого полка вольных гильдий или обычного солдата, получившего отпуск.

Колмик проскользнул внутрь, и Зарджак вновь заперла дверь. Он отодвинул тарелку с недоеденной едой, которую час назад принесли с кухни, и бросил мешок на стол. Взглянул на полупустую бутылку с искровухой, но ничего не сказал.

– И? – спросила Зарджак. – Ты получил сообщение?

Колмик кивнул и вынул клочок пергамента из кармана своего пальто. Зарджакхватила его из рук и подошла к камину, чтобы прочитать в свете пламени. Нахмурившись, она перечитала его ещё раз.

– Задний двор «Привала Старой Цепи»? – сказала она. – Серьёзно? Поверенный от конклава будет ждать меня на задворках какой-то задрипанной пивнухи на южной стороне Хаммерхола?

Колмик сбросил с себя тяжёлое пальто и приоткрыл мешок, затем выудил оттуда мятую одежду, рваный шарф и митенки.

- Кто всё это доставил, я так и не увидел, - сказал он. - Вышел из кабинета на какие-то пять минут, а когда вернулся, вещи лежали на моём столе.

- Как-то слишком уж таинственно, - сказала Зарджак. - Мне это не нравится. Всё это.

Шепотки и зашифрованные записки, кодовые слова и тайные знаки... Вот уже несколько недель она пыталась организовать эту встречу. Полковник была уверена, что подступилась к порогу своего успеха, но за каждым препятствием, которое ей удавалось преодолеть, неотступно следовало новое. Колонки в записной книжке Кайта - в её записной книжке - лишились прежней упорядоченности, так много взяток она предложила за последнее время, так много денег потратила. Каждая услуга, которой ей были обязаны, каждый уголёк, который ей удалось выжать из своих делишек в казармах, - всё это пошло на самую крупную авантюру в её жизни. Ей велели снять эту квартиру, не соблюдая никакой секретности, и уже на месте ждать дальнейших указаний.

И вот, наконец, эти указания получены.

Тёмен тот свет, что солнце проливает поутру,

Но впереди я наблюдаю всяк темнее тьму.

Зарджак потянулась к кубку, увидела, что он пуст, и наполнила до краёв. В голове мелькали строки из стихотворения Кайта, но она старалась не думать о них. Она стояла у окна и глядела на улицу, ставни были полуоткрыты. Всё, что она видела, - это мерцание трещащих эфирных фонарей и свет, исходящий от Таквии, по мере того как она огибала всю мирозферу и подступала к городу. Улицы были мрачными и безмолвными.

- Проклятье, - сказала она. - К полному обороту луны Молоты выйдут на марш. Я не упущу этот шанс, Колмик. Не упущу.

- Тогда простите меня, полковник, - сказал он ей, протягивая потрёпанное пальто, - но задний двор «Привала Старой Цепи» ждёт. Каким бы чересчур таинственным это ни выглядело.

Она быстро переоделась в принесённую Колмиком одежду, аккуратно сложила свою форму и оставила её на кровати. Развязала волосы и спустила их на лицо, натянула потрёпанные перчатки и накинула пальто. На стене, напротив двери в спальню, висело зеркало; взглянув на него, она едва себя узнала. В этой неряшливой нищенке никто и никогда не признает полковника Петру Зарджак, решившую провести пару дней в гостинице «Кровавый камень».

Она нащупала записную книжку, спрятанную во внутреннем кармане, и подумала: «Если оставить её здесь, решится ли адъютант заглянуть внутрь, пока её здесь не будет?» Хотя он и так, должно быть, знал её лучше некуда.

Когда она вернулась в гостиную, Колмик уже разместился как следует. Он собирался ждать до тех пор, пока полковник не вернётся. Зарджак сунула нож за пояс и, встав у двери, прислушалась. Квартирка, которую она сняла, располагала специальным ходом с задней стороны; он вёл в переулок, который огибал гостиницу «Кровавый камень» и выходил на пустующий склад.

- Я бы не узнал вас, даже если бы мы столкнулись лицом к лицу, - сказал Колмик.

- Если кто-то из моих солдат пройдёт мимо меня в этой части Хаммерхола, у меня будут к нему большие вопросы, - пробормотала она. Полковник приоткрыла дверь и осторожно выглянула наружу. Вечерний туман понемногу опускался на улицы. Эти испарения частенько окутывали город, неся с собой запахи пепла и гари. - Пожелай мне удачи, - сказала она.

Пробило полночь. Даже отсюда она слышала колокола Великого собора, звенящие на другом конце города. Маленькие районные часовни подхватывали этот зов, отвечая в унисон. Зарджак бежала по улицам, склонив голову и держа руку на ноже, её шаги гулко отдавались от массивных булыжников. Её ожидания подтвердились: в эту ночь людей было мало, только пьяницы да бедняки встречались небольшими группками. В тени ветхих жилищ и разваливающихся доходных домов сидели попрошайки, выставив руки в надежде получить немного угольков. Заблудшие души возвращались с тяжёлой и опасной работы, что-то бормоча себе под нос и рассчитывая лишь на скудную еду да холодную постель. Набравшиеся хлыщи и пижоны прижимали к носу шёлковые платки и шатались от театра к таверне, довольные таким удачным прозябанием в трущобах.

Всё это напоминало ей о Работяжнях, где она выросла. Её мать возвращалась домой по ночам после смены на Железнокванном заводе по производству боеприпасов, истощённая до предела, и так, пока чёрные лёгкие не забрали её. Когда ей было не больше двенадцати, Зарджак научилась самостоятельно управляться с трудностями. Она жила в непростом районе, бок о бок с непростыми людьми, которые делали всё возможное, чтобы выжить в мире, где смерть притаилась прямо за углом. Болезни, голод, нож в брюхо в ходе неумелого грабежа и неустанный барабанный бой войны. «Почему бы не отправиться на марш под этот самый бой?» - подумала она как-то. Полки вольных гильдий были достаточно крупными и богатыми, чтобы предприимчивая душа могла обзавестись какими-никакими деньгами - конечно, если она знала, что делает...

Зарджак снова нащупала записную книжку. Она никогда не вернётся в Работяжни, уж это точно. Впереди ждал единственный путь - вверх.

Через двадцать минут полупряток среди улочек Зарджак добралась до «Привала Старой Цепи» и затаилась напротив, в тени дверного проёма, натянув рваный шарф на лицо и сунув руки в карманы. Она видела, как карточные шулеры и карманники шатаются внутри забегаловки; видела, как привратник - кажется, такой же пьяный - вышвырнул наружу двух-трёх прохиндеев. В окне мерцали свечи. Вывеска над дверью скрипнула всего один раз под порывом сильного ветра, который пронёсся по узкой улочке и так же стремительно убрался восвояси. С собою он принёс запах пороховых мельниц, которые работали в районе Жаристых Печей, - запах войны.

Позади таверны примостился тесный дворик, заставленный бочками и ящиками. Его землю покрывали масляные лужи. Свет эфирных ламп совсем сюда не добирался, только огонёк фонаря неярко трепыхался над задней дверью. Зарджак обогнула угол здания и оказалась на другой стороне, выжидая, когда глаза привыкнут к темноте. Рука так сильно сжалась на рукояти клинка, что костяшки побелели. Она выровняла дыхание и осмотрелась.

«Чёрт бы тебя побрал, Колмик, - подумала она. - Если всё это напрасно...»

- Значит, ваш адъютант доставил сообщение, - раздался из тени медовый голос.

Зарджак почувствовала, как сердце подпрыгнуло. Оглянувшись по сторонам, она увидела особенно тёмное пятно в тенистом уголке двора, наполовину прикрытое грудой сложенных ящиков. В воздухе

стоял запах несвежего пива, гниющих овощей и мяса. Из-за двери доносился стук кружек и приглушённый пьяный хохот.

- Потому я и здесь, - сказала она, нервно оглядевшись. Но подслушать разговор было некому.

- Простите мне мои слова, полковник Петра Зарджак, но вы не производите впечатление офицера, жаждущего сражений.

Когда её глаза окончательно привыкли к сумраку, Зарджак разглядела высокую фигуру, закутанную в чёрный плащ. На бедре что-то ярко сияло - может, меч в ножнах или приклад пистолета.

- Ты знаешь, чего я хочу, - сказала она. - Понятия не имею, кто ты, но точно не ли Гильон, это я вижу. Я бы хотела переговорить с первым командиром.

Фигура в тени рассмеялась, словно сказанное искренне её позабавило.

- Вы думаете, что первый командир станет тратить своё время, слоняясь по переулкам Палёных Холмов?

- Не прикидывайся дураком, - прошипела Зарджак. - Мне нужны гарантии. Улицы полнятся слухами: ватаги Кхорна видели у Лощины Гаргантов, и Молоты собираются остановить их. Отправьте 43-й вместе с ними.

- Ради славы и известности, да? - произнесла фигура. - И места в конклаве, разумеется, чтобы у лорда Хоэншталя появился новый союзник... А что вы можете предложить моему лорду взамен, полковник?

От ярости всё её тело пробрала дрожь. Зарджак была так близко, но все эти игры даже не думали кончаться.

- Чёрт возьми, я потратила больше, чем годовой бюджет моего полка, чтобы оказаться здесь и говорить с тобой сейчас. Этого мало?

Она прокрутила в голове цифры. Если им нужны деньги, то сколько ещё она сможет вымогать или отбирать, прежде чем вольная гильдия обратит на неё внимание? Она слишком близко подобралась к границе. Переплёт её записной книжки вконец разболтался - настолько часто она листала эти страницы в последнее время.

- Деньги - не главное, полковник, - сказала фигура. - Они редко бывают целью, хотя те из вас, кто поднялся с самого дна, похоже, никогда этого не поймут.

- Тогда чего вы хотите? Назовите цену.

- Цену? - Тёмную фигуру снова пробрало на смех, на этот раз прозвучавший более мягко. - Цена заключается в том, что отныне 43-й будет служить моему господину. Любой его приказ - *любой* - будет исполнен беспрекословно. Вы понимаете это, полковник Петра Зарджак? Никаких колебаний, никаких вопросов, никакого неповиновения. Если вам прикажут атаковать сам Перспикарий, вы сделаете это, не сомневаясь ни секунды. Хотя, - усмехнулся он, - уверен, что до этого не дойдёт.

Она почувствовала, как по шее поползли мурашки: ужас давних дней растекался по её плечам. Она отмахнулась от него. Теперь уже было слишком поздно.

- Мой господин любит, когда под рукой есть полки вольных гильдий, полковник. Никогда не знаешь, где и как они могут пригодиться... А уж после всего, за оказанные услуги, вы получите свою награду.

- Даю вам слово, - сказала Зарджак. - «Медные Пряжки» в полном распоряжении твоего господина. В полном. - Она стиснула зубы. - А теперь отправьте меня в эту экспедицию.

Колмик сидел перед камином, когда она вернулась в «Кровавый камень». Казалось, он не шелохнулся. Даже искровухи в бутылке совсем не поубавилось.

Она открыла дверь, и он тут же приподнял одну бровь. Зарджак кивнула. Она чувствовала себя усталой, прямо как её мать, возвращавшаяся домой после очередной изнурительной смены. Сбросив пальто, Зарджак опустилась в кресло у стола и потянулась к бутылке, чтобы наполнить свой кубок.

- Всё прошло... хорошо? - спросил адъютант.

- Мы готовы, - сказала она и сделала большой глоток. Колмик выглядел довольным, но в голове у неё сразу возникла мысль - имеет ли он хоть малейшее представление о том, что её слова значат на самом деле. Хоть и с Молотами бок о бок, но им предстояло отправиться на битву. Большую часть своей карьеры она провела, избегая военных конфликтов, но даже Петра Зарджак понимала, что битвы совершенно непредсказуемы. Даже лучшие планы могут рухнуть в один миг. А иначе зачем бы ей тратить столько времени и сил, чтобы избежать любого сражения?

Она вздохнула, отпила ещё немного и некоторое время смотрела на пламя.

- Каким было твоё детство, Колмик? - спросила она. - Тяжёлым? Небось пришлось в грязи повозиться?

- Весьма комфортным, - задумался адъютант. - Мы были не богаты, но и не бедны.

- Чем занимались твои родители?

Колмик поднял глаза к потолку, как бы ища ответа в тусклом и далёком прошлом.

- Моя мать была швейей в актёрской труппе, - сказал он. - Иногда даже играла, причём самые разные роли, пока не встретила моего отца. А уж он немало работ поменял за свою жизнь.

- Братья, сёстры?

- О, нет, - с неприязнью в голосе ответил Колмик. - Нет, я был единственным ребёнком. - И тут же расплылся в улыбке. - У меня было всё их внимание. И воспитание они мне дали достойное. Я не жалею.

- Тогда почему... - начала было она, но прервалась на полуслове, сделав ещё один глоток из своего кубка.

«Тогда почему, во имя Зигмара, ты такой? Почему ты так похож на меня?»

- Офицеры, которых ты арестовал, - заговорила она. - Майор Йеменск, Каттлер и Алтин.

- Да, полковник?

Она взглянула на трепещущее пламя, опрокинула кубок и осушила его целиком.

- Пускай их убьют, - сказала она. - Тихо. А их заместители - получают повышение.

Колмик поднялся на ноги и взял пальто с кресла, стоявшего рядом с ней.

- Немедленно, полковник.

- Вот и всё, - пробормотала она. - Война свалилась на наши головы, и 43-й отправляется на битву.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Молоты_Зигмара:_Первокованные_/_Hammers_of_Sigmar:_First_Forged_\(роман\)&oldid=25197](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Молоты_Зигмара:_Первокованные_/_Hammers_of_Sigmar:_First_Forged_(роман)&oldid=25197)

Эта страница в последний раз была отредактирована 4 июня 2024 в 09:12.